

Циклоп и нимфа

Автор:

Татьяна Степанова

Циклоп и нимфа

Татьяна Юрьевна Степанова

По следам громких дел

Эти преступления произошли в городе Бронницы с разницей в полторы сотни лет...

В старые времена острая сабля лишила жизни прекрасных любовников – Меланью и Макара, барыню и ее крепостного актера... Двойное убийство расследуют мировой посредник Александр Пушкин, сын поэта, и его друг – помещик Клавдий Мамонтов.

В наше время от яда скончался Савва Псалтырников – крупный чиновник, сумевший нажить огромное состояние, построить имение, приобрести за границей недвижимость и открыть счета. И не успевший перевести все это на сына... По просьбе начальника полиции негласное расследование ведут Екатерина Петровская, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД, и Клавдий Мамонтов – потомок того самого помещика и полного тезки.

Что двигало преступниками – корысть, месть, страсть? И есть ли связь между современным отравлением и убийством полуторавековой давности?..

Татьяна Юрьевна Степанова

Циклоп и нимфа

© Степанова Т. Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Он умер скоропостижно. В мрачной боязни ждали мы... Но отпускные, написанные нам, затерялись. А может, их и вовсе не было. Новость эта оглушила нас. Пока мы еще плакали да думали, что делать, нас продали с публичного торго...

А. Герцен. «Сорока-воровка»

Но лозы рук, хрустальные, крепки —

Любовь их вьет и страх неизреченный

Вкруг бедного ствола, что на куски

Топор изрубит, ревностью точенный[1 - Перевод Павла Грушко, 1966 г.].

Луис де Гонгора. «Поэма о Полифеме и Галатее»

Глава 1

Музыкальный вечер

30 декабря 1860 г. Москва

В домашнем театре особняка Скалинских старая крепостная труппа разыгрывала постановку «Полифем и Галатеея». Для зрителей в зале расставили стулья, на рампе укрепили толстые восковые свечи, и в их теплом свете алый

бархат кулис и полинявшие от времени краски декораций не оскорбляли взыскательного взора гостей. А вот с актерами и актрисами дело обстояло гораздо хуже.

Театральная труппа досталась богатой московской барыне Меланье Андреевне Скалинской в наследство от ее покойного мужа. Он скончался в возрасте восьмидесяти лет и всю свою сознательную жизнь, как и отец его, слыл заядлым любителем домашних представлений. Актеры и актрисы же постепенно перекочевывали из возраста пожилого в возраст старческой дряхлости.

Они толпились на сцене, изображая юных нимф и пылких сатиров, украдкой кашляя, неловко пританцовывая. С потными напудренными лицами, густо наrumяненные, с подведенными глазами и бровями, в пыльных париках актеры выглядели, словно кучка привидений из прошлого. Когда-то яркие хитоны и туники открывали взору зрителей изуродованные подагрой ноги нимф. А когда нимфы поднимали дряблые руки вверх, славя свою предводительницу Галатею, то становились видны темные впадины подмышек, заросшие седыми волосами, давно уже не знавшими квасцов.

Но лозы рук, хрустальные, крепки – любовь их вьет и страх неизреченный...

Пожилая актриса в обсыпанном золотистой пудрой кудлатом парике декламировала это надтреснутым фальцетом. Актер, изображавший циклопа Полифема, грозно рычал, представляя муки неразделенной любви к красавице-нимфе, и при этом украдкой цеплялся за задник, изображавший пасторальный пейзаж, так как его поставили на ходули и обмотали волчьими шкурами, чтобы добавить влюбленному циклопу роста и устрашающего вида.

– Такие зрелища были в моде лет сорок назад, – шепнул барон Модест Корф сидевшему рядом с ним молодому помещику Клавдию Мамонтову. – А потом ваш батюшка написал «Руслана и Людмилу», и мы все словно прозрели.

Вторая часть фразы была уже адресована к расположившемуся с другой стороны от Мамонтова Александру Пушкину, сыну поэта, статному, высокому, широкоплечему, в мундире лейб-гвардии Конного полка. Тот вежливо улыбнулся. А барон Корф, как и все, кто встречал Александра Пушкина-младшего, пытался понять, бросая украдкой острые взоры, – как сильно похож он на отца... или на красавицу мать? Серо-голубые глаза, высокие острые скулы,

в чертах лица твердость и горделивая уверенность.

Барон Модест Корф приходился дальним родственником барыне Меланье Скалинской, урожденной Смирновой. И занимал должность директора Императорской публичной библиотеки. Он любил поговорить о том и о сем – не только о редких изданиях.

– Испанская поэма семнадцатого века, а они ее здесь в театре перевели на французский. Декламируют, конечно, ужасно. Не хватало только, чтобы кто-то от натуги на наших глазах испустил дух. Это, наверное, последний крепостной театр... Остальные все уже приказали долго жить. Я сидел на их репетиции перед представлением, листал оригинал поэмы. Невольно слышал, о чем они говорили, – так вот все разговоры этих актеров были исключительно насчет воли.

– Насчет воли? Освобождения от рабства? – живо откликнулся помещик Мамонтов.

– Насчет того, что за напасть такая грядет – воля, – барон Корф усмехнулся. – Слухи, слухи витают, множатся, что через месяц-два выйдет царский указ. Официально уже объявят то, о чем столько говорят весь последний год. Свобода, свобода... Так эти актеры просто в ужасе неопишущем.

– В ужасе? – переспросил шепотом Клавдий Мамонтов. – Они же крепостные, а станут свободными людьми!

– А они от этого в ужасе, мой друг. Нюют, шепчутся – что с нами будет, куда мы пойдем на старости лет, раз крепостной театр исчезнет.

– Но они актеры, многие из них знают по два-три языка, учились мастерству в Италии и Франции, умеют играть на разных инструментах, декламируют, сведущи в литературе, поэзии. Это же не какая-то темная челядь, это хорошо образованные люди!

– И тем не менее свобода их страшит. Воля – беда новая, неминуемая – это я сам слышал здесь от них. Ну, может, конечно, возраст их преклонный... Но дело не только в возрасте. Они привыкли к своей жизни.

– Нельзя привыкнуть к рабству. Противостоит это.

– Это вы им скажите, дорогой мой друг. Такое впечатление, что свобода нашему богоспасаемому народу не очень-то и нужна. Холопство как привычка, как образ жизни, как состояние ума, души. Я тут слышал в Дворянском комитете, мол, крепостничество – это не что иное, как духовные связи, завещанные нам еще от пращуров. Духовные связи нашей святой Руси. Не только лапти предки наши плели, лыко драли, пеньку сучили, но и скрепы вот такие ковали. Клавдий, душа моя, здесь их кормят досыта, по крайней мере. Меланья не скупится – им и кашу дают, и эти, как их... пироги с требухой. А по праздникам и чарку поднесут. И сечь их давно уже перестали. Раньше-то, конечно, при ее муже пороли на конюшне. Но вот уж сколько лет как не порют. Милуют. А что еще им надо?

– Вы что-то уж говорите совсем какие-то вещи мрачные и унижительные для человеческого состояния, – сухо бросил Клавдий Мамонтов. – Саша, а что ты на это скажешь?

Но Александр Пушкин-младший промолчал, он смотрел в этот миг на сцену.

Циклоп Полифем в любовных муках совсем отвернулся от зрителей, пряча изуродованное гримом лицо свое. А у самой рампы на сцене появились два новых персонажа пьесы – Вакх и Помона.

В отличие от стариков актеров, эти были молоды: Вакх-Дионис белокурый и стройный как тополь, в венке из винограда со шкурой рыси, свисающей с плеча, и с увитым плющом тирсом в руке. Прекрасный голубоглазый бог – высокий, сильный. В роли Помоны выступала Аликс – двоюродная кузина Меланьи Скалинской. Клавдий Мамонтов сразу ее узнал. Она была дружна с женой Пушкина-младшего Софьей. Они в начале вечера и сидели вместе в зале, о чем-то мило шептались – жена Пушкина, снова беременная, усталая, поблекшая, и эта Аликс – девушка двадцати шести лет, так до сих пор и не нашедшая себе жениха на московских балах.

Прекрасными у Аликс были волосы – темно-каштановые, густые и блестящие, украшенные сейчас свежими цветами. В остальном же она красотой не блистала – невысокая, худая, даже слегка костлявая, вся какая-то неловкая и угловатая, с мелкими невзрачными чертами лица, лишеного здорового румянца.

Но глаза ее, устремленные на красавца Вакха, сияли как звезды.

Сицилия – Рог Вакха, сад Помоны щедра на все, что прячет и родит:

Тот множит пышные гроздей короны, а та румяные дары плодит...

Ее голос – теплый, звучный – заставил гостей очнуться от навеянной постановкой дремоты.

Цереры воз здесь летним цепом склоны пшеничные от веку не щадит...

Это глубоким баритоном продекламировал бог Вакх, взмахивая тирсом. А Клавдий Мамонтов подумал – сроду бы не запомнил такой стих наизусть, ну и память у этого Вакха.

Испанская поэма, переведенная на французский и представленная на суд московской избранной публики, производила странное, причудливое впечатление. словно те тени, что плясали на театральном заднике, когда сквозняк колыхал в зале пламя многочисленных свечей. Но что поделаешь – вот уж сколько лет со времен Крымской войны иностранные драматические и оперные труппы игнорировали и Петербург, и Москву, вычеркивая их из списка своих гастролей. Не было ни итальянской оперы, ни актрис из Комеди Франсез, ни французского балета. Как-то обходились своим, доморощенным. Созерцали представление последнего крепостного театра.

Но вот и представление закончилось. Все в этой жизни когда-нибудь да приходит к своему концу.

Алый бархатный занавес закрылся.

– Меланья, очаровательно, просто прэлэээсссно, – барон Модест Корф первым выразил свое восхищение владелице крепостной труппы. – Такая редкость эта испанская поэма. Где вы ее откопали?

– В архиве мужа.

Меланье Скалинской исполнилось тридцать четыре года. Она была яркая брюнетка с темными глазами, пышной фигурой и безупречным овалом лица, правда, в чертах ее проступала некая монументальность, тяжеловесность. Но все это искупали атласная кожа и губы, подобные спелым вишням. Вдовство пошло ей явно на пользу. Она словно расцвела.

– А мне показалось, вы все благополучно уснули, – усмехнулась она. – Нам с Софи так представилось. Сонное царство.

Она лукаво улыбнулась беременной жене Александра Пушкина-младшего.

– Нет, помилуйте, как можно, – барон Корф всплеснул руками. – Софи, так вы едете в Бронницкий уезд вместе с мужем?

– Мы еще не решили, – пожала плечами Софи, – как все сложится. Конечно, я бы хотела, чтобы мы на этот раз не расставались.

– Ну, он же не в полк возвращается, – заметил барон. – Он уже, считайте, в отставке. Поступит на гражданскую службу – там дела промедления не терпят.

– Он будет скучать по армии, я его знаю, – ответила Софья Пушкина. – А я даже и не знаю, радоваться таким переменам или нет.

– Господа, это еще не все, – Меланья Скалинская захлопала в ладоши и подхватила юбки своего черного атласного платья с кринолином и глубоким декольте. – Наш театрально-музыкальный вечер в самом разгаре. И я предлагаю на ваш суд не стихи, не декламацию, а чудесную музыку. Шуберт. Его трио, которое столь популярно сейчас... опус сотый.

Скалинская очень любила музыку и сама была прекрасной музыкантшей. Вот она махнула рукой, лакеи в ливреях внесли пюпитры с нотами, стулья, виолончель и скрипку в футлярах и разместили все это рядом с роялем, стоявшим в другом конце театрального зала. Меланья подошла к роялю и достала из футляра виолончель.

Рядом с ней как пришитый держался поручик Гордей Дроздовский. Клавдий Мамонтов заметил, что и во время представления он не сидел как все гости, а

стоял у стула Меланьи и то и дело наклонялся к ней, сгибая стан свой, затянутый в офицерский мундир, чтобы что-то сказать ей на ухо. Левая рука его покоилась на перевязи. Со слов Александра Пушкина-младшего, Мамонтов знал, что Гордей Дроздовский храбрый офицер, прекрасно показавший себя во время последней кампании, где о его отваге и беспощадности ходили легенды. Клавдий Мамонтов заметил и кое-что еще – Дроздовский просто пожирал Меланью Скалинскую взглядом. Учитывая его репутацию, можно было нарисовать его портрет в облике этакого удалого усача-гусара, которому сам черт не брат. Но Дроздовский был невысок, чуть ли не тщедушен. Несмотря на молодой возраст, волосы его поредели, появились залысины. Нос с горбинкой на худом лице украшало золотое пенсне.

Мамонтов про себя подумал, что бравый офицер с внешностью домашнего репетитора ничего не добьется с блистательной Меланьей Скалинской. Хотя как знать? Вдовы, вдовы, что у вас на уме, что на сердце?

– Аликс, иди сюда, – Меланья царским жестом подозвала к роялю свою родственницу. – Скрипка – это тебе. Сыграем Шуберта.

– Хорошо, как скажете, – кивнула Аликс.

– Я бы хотела, чтобы мсье Дроздовский сел за рояль. Но он повредил руку на скачках, – Меланья глянула на перевязь Дроздовского. – Поэтому в аккомпаниаторы нам с Аликс придется взять...

Она оглядела зал поверх гостей и сделала такой повелительный нетерпеливый жест рукой, словно поманила охотничьего пса.

Из-за спины ливрейных лакеев возник молодой человек. Лицо его еще сохранило следы театрального грима. Мамонтов узнал в нем того самого актера, который играл Вакха в пьесе.

Однако сейчас он уже успел скинуть с себя и венок, и шкуру рыси, надел ливрею. И даже в этом своем рабском одеянии он поражал взор красотой и статью.

Молодой человек вежливо поклонился гостям, сел за рояль. Взял ноту – и Аликс тронула смычком скрипичные струны, настраивая скрипку.

– Как же, повредил руку на скачках, – язвительно шепнул барон Корф, – у него там пуля в руке. Он дрался на дуэли. Из-за нее. Скалинской. Не спрашивайте с кем. Это очень знатная особа, приближенная ко двору. Дроздовского едва не разжаловали. Только боевые заслуги и уберегли. Но его удаляют из столицы и из Москвы, переводят куда-то в глушь. В какой-то полк пехотный.

– А молодой красавец за роялем – это ее крепостной актер? – спросил Александр Пушкин-младший.

– Он ее дворовой человек, – ответил Корф. – Холоп. Что-то вроде лакея. Но видите, на все руки мастер. И декламирует на сцене, и, я слышал, хорошо говорит по-французски и музицирует.

Меланья настроила виолончель. И кивнула – начали!

Франц Шуберт.

Клавдий Мамонтов замер.

Как они играли это трио! Как они играли все втроем – слаженно и вдохновенно. Густая как мед мелодия, где столько силы и огня, страсти, но совсем нет нежности... никакой сентиментальности.

Но вот скрипка вступает, и все мгновенно меняется – нежность и страсть... нежность... и печаль... и еще что-то... Из далей нездешних... И опять словно вопрос-ответ. Но спрашивает уже скрипка, настойчиво, отчаянно, а рояль отвечает. И как-то все тщетно, размыто... И снова мелодия полна печали и страсти... Недомолвок, огня, что сжигает дотла... А затем все три голоса сливаются и ведут мелодию вместе, расходятся, сходятся, виртуозно разыгрывают каждый свою вариацию – рояль, виолончель, скрипка... Чтобы в конце уже окончательно соединиться в одно целое. И, затихая в аккордах, умолкнуть... словно умереть вместе...

Шуберт...

Клавдий Мамонтов ощутил жар в сердце.

Гости аплодировали.

– Говорят, Франц Шуберт написал это трио перед смертью, – сказал Пушкин-младший. – И никакой тьмы. Но и света нет. Словно зимние сумерки. Закат.

Барон Корф усмехнулся, видно, подумал, что для офицера лейб-гвардии Конного полка собеседник выражается чересчур поэтично. Ну да батюшка был какой... Кровь – она всегда о себе заявит.

Гости окружили разрумьянившуюся Меланью – восторг, восхищение, триумф.

Ее крепостной куда-то пропал – словно его ветром сдуло. Аликс убрала скрипку в футляр.

– Как вы играли! – сказал ей Клавдий Мамонтов.

– Вам понравилось? – спросила она, оглядывая зал.

– Не то слово. Я никогда ничего подобного не слышал. Ни на одном концерте.

– Это просто все так вышло случайно. Сложилось, – на эти восторженные слова Аликс лишь вежливо ему улыбнулась.

Гостей покорнейше приглашали пройти в столовую – отужинать. Но никто не торопился покидать театральный зал. Старые крепостные актеры и актрисы, как были в обличьях нимф и сатиров, снова явились с флейтами, кларнетами и скрипками. У той, что играла нимфу Галатею, был в руках тамбурин. А у актера, изображавшего циклопа Полифема и соскочившего наконец с ходулей, барабан.

Они заиграли то, что хорошо знали и умели – Рамо Les Indes Galantes[2 - Имеется в виду «Галантная Индия» – опера-балет французского композитора эпохи барокко Жана-Филиппа Рамо, написанная на текст либретто французского драматурга Луи Фюзелье.].

Старомодная мелодия наполнила зал. Это была уже совсем иная музыка – словно из пропахшего канифолью театрального сундука. И Мамонтову, еще полному впечатлений от шубертовского трио, хотелось, чтобы старики актеры

немедленно умолкли.

Но крепостные актеры играли как умели на своих флейтах и кларнетах. И барабан отбивал четкий ритм.

Лакеи разносили гостям померанцевый лимонад.

Свечи оплывали.

Мамонтов опять увидел того самого Вакха – на этот раз в ливрее лакея с подносом в руках. Он подошел к Аликс и смотрел на нее с высоты своего роста, чуть наклонившись к ней, улыбаясь и предлагая лимонад.

А она смотрела ему прямо в глаза.

Вообще так не принято.

Кто смотрит так на своих слуг?

На холопов?

Аликс взяла с подноса бокал с лимонадом.

– Макар, ко мне!

Это громко, повелительно произнесла Меланья Скалинская и щелкнула пальцами, словно кастаньетами. И когда бог Вакх в лакейской ливрее подошел к ней, оставив Аликс, она тихо отдала ему какой-то приказ. Как хозяйка своему дворовому человеку.

Галантная музыка Рамо звучала в полную силу, внезапно обретая мощь и страсть, словно крепостные актеры тоже хотели показать в последний раз перед новой напастью – перед этой самой неведомой ВОЛЕЙ, бедой грядущей, неминуемой — на что они способны.

И эта ритмичная тревожная отрывистая мелодия не дарила ни покоя, ни умиротворения.

Клавдий Мамонтов внезапно подумал – какие-то события на пороге.

И они не принесут счастья.

Только боль.

Но не тьму.

Глава 2

Сатисфакция

Наши дни. 30 декабря.

Три года назад

Москва. Большой театр

30 декабря по традиции в Большом театре давали «Щелкунчика». На этот спектакль перед Новым годом собираются все, все, все. Свет, полусвет, элита, подполье, андеграунд, дипкорпус, федералы и регионалы, топ-менеджеры госкорпораций, генералитет, сенаторы, консерваторы, патриоты, либералы, славянофилы и западники, постмодернисты и коммунисты, либертарианцы, преторианцы, анархисты, чекисты, сталинисты, бизнесмены, «силовики» и «слабаки», их бабы, их жены, их любовницы, их содержанки, девочки из эскорта и просто граждане, еще способные снять с себя последнюю рубашку и выложить за билет астрономическую сумму. Выползают даже из каких-то потаенных секретных кремлевских щелей на свет божий ФСБ и ФСО.

Всем, всем хочется посмотреть балет «Щелкунчик». Всем приятно, празднично, всем «новогодне». Все же божьи создания (даже ФСБ), наделенные пытливым умом и любопытством.

Теща губернатора Камчатского края – женщина пожилая, простая, из рабочего класса, чья жизнь кардинально изменилась с тех пор, как младшая ее дочь, получив хорошее образование, вдруг вышла замуж за крупного федерального чиновника, сосланного в «камчадалы» представлять закон, государство и право, насаждать порядок и утверждать благочиние, с замиранием сердца созерцала Большой театр. Всю эту новоявленную позолоту и блеск, весь этот имперский шик, бьющий в глаза, словно свет лампы, направленной в лицо во время допроса на Лубянке.

Теща обмирала и не могла поверить глазам своим – вот сидит она одна в ложе (зять и дочка тоже хотели лететь в Москву, но в последний момент зятю подвалило губернаторских хлопот, и они сдали авиабилеты). Сидит одна – губернаторская теща... как эта из сказки Пушкина про корыто... как столбовая дворянка, нет, как владычица морская!

В Москве теща губернатора за всю свою долгую жизнь не была ни разу. А Большой театр видела – что греха таить, – по телику, но давно. Во время ГКЧП. «Лебединое озеро».

А тут бах! «Щелкунчик»!

Губернаторская теща старательно разглядывала партер, ища знаменитостей и «випов», затем обернулась к царской ложе. А потом ее внимание привлекла пара в ложе соседней.

Мужчина – лет пятидесяти, крупный, широкоплечий, атлетически сложенный, в черном дорогом костюме, при галстукe. И его спутница в нарядном платье. Теща губернатора своим внутренним женским чутьем поняла – мужчина много чего отдал бы, чтобы оказаться сейчас лет этак на десять моложе.

Но выглядел он хорошо. Очень сильный, сразу видно, и словно весь на пружинах – подвижный, ловкий. И это несмотря на зрелый возраст. Лицо не слишком примечательное, но мужественное. У него были высокие острые скулы. А когда он обращался к своей спутнице, то становился очень тихим. Нет, он не

смущался, не тушевался, но как-то затихал весь... Словно убавлял громкость. И его лицо озарялось улыбкой, и улыбка – мальчишеская – ему шла.

Наблюдательная теща губернатора обратила внимание и еще на пару деталей. Красивые кисти с длинными пальцами у этого незнакомца. Вот только на костяшках пальцев и на суставах фаланг – мозоли. А на его левом запястье красовались часы на потертом кожаном ремешке. Старые часы «Полет». Они представляли собой странный контраст с дорогим костюмом и модным, столь же дорогим галстуком. А здесь, в театре, где в ложах пускали пыль в глаза друг другу золотыми «ролексами» и драгоценными «швейцарцами», эти часы выглядели почти как стеб. Или намеренный вызов.

Спутница что-то говорила ему, указывая на расшитый золотом занавес. А мужчина вдруг сделал такой жест – как фокусник – словно поймал нечто в воздухе. Раскрыл свой кулак и протянул ей.

Конфета на ладони. Грильяж. Зелененький фантик.

Спутница заулыбалась и взяла конфетку. Теща губернатора вздохнула – эх, ясно все как божий день...

И в этот миг в соседнюю ложу вошли четверо мужчин. Похожие друг на друга, как клоны из пробирки – все в синих костюмах, крепкие, высокие, этакие качки, с короткими армейскими стрижками. И каким-то сонным и одновременно алчным выражением лиц – словно стая. Они сгрудились в ложе вокруг мужчины и его спутницы. Один из них что-то ему сказал негромко – теща губернатора не расслышала. Остальные расположились так, что отрезали выход из ложи. У двух к ушам были прицеплены микрофоны, чтобы разговаривать по мобильному или радиации дистанционно.

Мужчина в черном костюме поднялся. А они все сразу сунулись к нему. И теще губернатора это все как-то крайне не понравилось. Сравнение пришло на ум – она по телевизору видела в передаче про животных, как стая гиен окружает льва. И когда одни вьются вокруг него, визжа и хихикая, отвлекая, другие норовят впиться ему в подбрюшие, чтобы вырвать кровавый кусок.

Спутница мужчины тоже хотела встать с кресла, но он заслонил ее собой. Предводитель «клонов» наклонился к его уху и опять что-то сказал, ухмыляясь.

И в следующий миг мужчина в черном костюме схватил его за грудки, за галстук. Неизвестно, что бы произошло дальше, но в ложу заглянула билетерша. И теща губернатора громко сказала ей: «Тут пьяные какие-то! И когда нализаться успели?» Она ткнула программкой в сторону «клонов», билетерша воззрилась на них. И они сразу ложу покинули. Были – и нет.

Свет в зале погас. Оркестр заиграл увертюру. И все внимание тещи губернатора переключилось на балет. Лишь спустя много времени, когда на сцене танцевал Мышиный король и оркестр тревожно и гулко играл его тему, теща губернатора снова обратила взор свой на соседнюю ложу.

Спутница мужчины в черном костюме была поглощена зрелищем, смотрела на сцену. А он, чуть откинувшись назад, сбоку смотрел на ее лицо.

Когда балет закончился, теща губернатора потеряла их в толпе. И позабыла о них.

А они...

Они вдвоем на блестящем черном «Саабе» по ночному шоссе доехали до Барвихи.

Среди сугробов по расчищенной дороге, мимо соснового бора, монументальных особняков, дворцов...

Остановились у высоченного забора с массивными воротами. Мужчина нажал кнопку на пульте, и ворота открылись. Они въехали в заснеженный парк, где расчистили всего одну аллею.

Мужчина остановился у занесенной снегом круглой клумбы. За клумбой – желтый особняк, все окна которого ярко светились в зимней ночи.

В гостиной ставили елку.

Несмотря на поздний час, в доме не спали.

Спутница выпрыгнула из машины, кутаясь в норковую белую шубку. Мужчина тоже вышел – он был без пальто, в одном костюме.

– Грандиозный спектакль! Мне так понравилось! Спасибо, что пригласил, – звонко, радостно прощебетала спутница.

– Всегда рад.

– Но билеты... Ты же разорился!

– Того стоило.

– Да, стоило... Никогда этот вечер не забуду!

– Я тоже.

– Пойдем, пойдем скорее, расскажем нашим, как было классно, – она ухватила мужчину за рукав пиджака, увлекая к дому.

– Ты иди. Мне надо отъехать ненадолго.

– Отъехать? Куда? Зачем?

– Дело одно незаконченное.

– Какое еще дело? Сейчас почти полночь!

– Я вернусь очень скоро.

Она смотрела на него. Он возвышался над ней.

– Не уезжай. Пожалуйста.

– Я мигом. Ты иди. А то замерзнешь.

– Да я в шубе. Это ты без пальто. Ну ладно, раз надо. Но как же это все было здорово! Фея Драже... Вальс цветов и эти мыши... крысы... такие смешные...

Она пошла по дорожке к особняку. Оглянулась.

Он сел за руль «Сааба», развернулся. Выехал за ворота. Достал мобильный. И набрал номер.

Там сразу ответили, словно ждали.

– Я не стал бы с вами разговаривать, если бы вы были люди с улицы...

В ответ что-то зашипели, заскрежетали, забубнили.

Он слушал.

– Но это, так сказать, начальный этап...

В ответ снова что-то проскрежетали, прошипели с издевкой.

– Нам же никто не мешает вернуть хоть часть тех замечательных традиций... Правда? Я имею в виду сатисфакцию.

И на это снова что-то прошипели.

– И вы, пожалуйста, не расстраивайте меня. Если вы начнете съезжать с этой сатисфакции...

На том конце зашипели, что не съедут.

– До встречи. Всего доброго.

Он убрал мобильный в карман пиджака и вырулил на расчищенную дорогу, потом свернул направо. Ехал недолго. Барвиха не закончилась. Возник сосновый бор.

Он остановился. Глянул на себя в зеркало заднего вида. Наклонился к рулю и снял пиджак. Аккуратно сложил его и оставил на заднем сиденье. Черный костюм был новым. Такие покупают в бутике для торжественных случаев. В таком костюме не стыдно вести под венец любовь всей своей жизни. Но он купил этот костюм специально для похода в Большой театр. Затем он расстегнул пуговицы манжет и засучил рукава белой рубашки до локтей. Глянул на часы – старенькие и неказистые. Он дорожил ими. Они достались ему по наследству. Он хотел было расстегнуть потертый ремешок, но вдруг передумал – оставил часы на запястье, как талисман на удачу.

Снова завел мотор и поехал в лес.

Через триста метров – поляна в лесу. И на ней три черных «Гелендвагена» и «Форд Экспедишн», похожий на грузовик.

Они все разом зажгли фары, ослепив его.

Он сразу вышел из машины. Как был, в одной рубашке. Без оружия.

Снег начал падать с темных небес.

Те четверо, что завалились в его ложу, ждали возле «Гелендвагенов».

Он направился к ним.

И в этот миг из «Форда» вылезли еще пятеро. Он сразу понял, что у этих пятерых под пиджаками бронезилеты. И пробить их даже его натренированным железным кулаком будет проблематично.

Глава 3

Смерть на озере

Наши дни. Октябрь.

Бронницы. Подмосковье

На Бельское озеро давно опустилась ночь, и тьма утопила луну в черных водах. Ни огонька на них. Лишь на дальнем берегу, словно океанский лайнер, сиял неоном Олимпийский комплекс подготовки сборной – на Бельском озере, чистом и бескрайнем, даже в октябре тренировались гребцы.

Савва Стальевич Псалтырников пришел на берег выкурить сигарету. В последние годы он редко курил, но сейчас очень хотелось чем-то заглушить во рту кислый привкус рвоты. Савву Стальевича Псалтырникова дважды за вечер вырвало жирным кремовым тортом, что сделали на заказ в ресторане Олимпийского комплекса на день рождения его сына.

Тридцать четыре года исполнилось сыну. И этот день рождения они отметили вместе.

А потом, уже после именинного обеда сын нанес ему тот смертельный удар – в самое сердце.

И словно бы сам не понял, что только что вонзил отцу в грудь острую сталь.

Пусть кинжала – призрачного – никто из домашних так и не увидел.

Было уже очень поздно – третий час ночи. Савва Стальевич Псалтырников пробовал уснуть, но не вышло. В животе бурлило, то и дело возникали острые спазмы. И тошнило все сильнее и сильнее. Поэтому, поворочавшись на кровати, он встал, надел брюки, свитер, накинул старую куртку, обул кроссовки и тихо, чтобы не разбудить семейство, вышел из дома – благо дом его этот бронницкий, новый – стоял прямо на берегу озера в живописном лесу. Почти два гектара угодий – особняк, гараж на пять машин, конюшня, гостевой коттедж и недостроенная баня с бассейном.

Когда его вырвало во второй раз, Лариса, его прежний верный секретарь-референт, а теперь просто экономка, развела ему «народное средство» – марганцовку в стакане и попросила выпить залпом. Домашним прозвищем Ларисы было Царица Савская – он ее так сам прозвал лет двадцать назад за

надменный, неприступный внешний вид (впрочем, обманчивый).

А Циклоп (тоже домашнее прозвище) объявил, что залпом пьют что угодно, но только не этот розовый отстой.

Лариса в ответ объявила, что завтра утром (то есть уже сегодня) она повезет Псалтырникова в Москву в клинику Управделами президента делать полное обследование и анализы – «снова твоя печень, Савва, это реакция на жирный сладкий крем. Не стоило есть торт».

Ехать в клинику на обследование Псалтырников согласился. Ему надо было побыть хоть какое-то время вдали от дома, не встречаясь с сыном, чтобы обдумать сделанное им заявление.

Сейчас он ощущал лишь усталость и тошноту. И отупляющую слабость во всем теле. Он жадно затянулся сигаретой, вдохнул всей грудью ночной сырой воздух – пахло водой, мокрой листвой, илом, грибами... Пахло осенью... дачей...

Он решил дойти до скамейки, вкопанной на берегу, – где мангал, причал для лодки, где летом ставили шезлонги. Хотелось сесть, ноги что-то не держали.

Он сделал шаг и остановился как вкопанный.

Ему показалось... нет, это морок... это все тьма... безлунная ночь.

Ему показалось, что по воде прямо к нему медленно идет... плывет... нет, скользит над озерной гладью фигура.

Но нет, нет... никого там нет на Бельском озере! Гребцы байдарок и каноэ из сборной давно спят.

Он выпрямился и крепко уперся ногами в илистый берег. Ничего, это пройдет. Живот крутит...

Он смотрел на воду и вспоминал, как здесь, на Бельском озере, – давно, очень давно они летом в жару купались – он и его пятилетний сын. Жена сидела на берегу в тени. За ней тогда уже присматривала теща. Сын подрастал здесь, в

Бронницах. А жена... она все меньше и меньше реагировала на него, на них, на все внешние раздражители. Словно уходила куда-то или замыкалась в раковину.

Он ясно видел сейчас лицо своей ныне покойной жены.

Он ни в чем перед ней не провинился.

Потом в памяти всплыло другое лицо. Другой женщины.

А вот перед ней он был виноват.

Не прямая вина, пусть косвенная, однако...

Что за мысли лезут в голову?

Жена так и не оправилась после родов. У нее случилась послеродовая горячка. А в Бронницком роддоме все это упустили.

Он тогда работал старшим технологом на Бронницком ювелирном заводе. И лет ему было столько же, сколько сейчас его сыну.

А закончил свою карьеру он в ранге федерального чиновника, главы департамента, имеющего статус федерального министра.

И он не сожалел о «бесславном конце» своей карьеры, как про него писала досужая пресса. Он был рад, что выпал из этой властной обоймы – в общем-то уже пропащей, полусгнившей, потому что обойма эта начинала все чаще и чаще лгать почти теми же пафосными словами, что использовались когда-то при, может, и необъятном по территории, но несчастном и нищем Совке.

И как их всех тогда после смены шмонали хмурые кагэбисты на проходной, словно крепостных, заводских холопов, чтобы никто не вынес с ювелирного завода ни крупинки золота...

И женщин обыскивали тоже.

И его – инженера-технолога.

И Ларису – Царицу Савскую, которая была тогда очень молодой и очень активной по заводской комсомольской линии.

А цепочки золотые, которые они изготавливали, были страх как популярны у мафии, что уже тогда начинала набирать могучую силу. Золотыми цепочками спекулировали, складывали их в жестяные бидоны и закапывали в землю – как капитал на будущее. И только потом, уже в начале девяностых, братки начали открыто демонстративно их носить – чья цепь круче и толще.

Острый спазм внезапно, как молния, пронзил его живот, словно туда впилось пущенное чьей-то безжалостной рукой острое копьё.

Он скрипнул зубами, поперхнулся дымом сигареты и прижал руки к животу.

И в этот миг снова увидел во тьме...

На воде...

Он шагнул, пересиливая боль, к самой кромке берега. Вода почти касалась его кроссовок.

Что там?

Кто это в ночи?

Скользит...

Идет по воде, прямо к нему?

Кто ходил по воде, кроме НЕГО?

Кому это под силу?!

Он увидел свою жену. Она выглядела точь-в-точь как в роддоме, когда он впервые увидел ее с сыном на руках – в пестром ситцевом халатике, с распущенными светлыми волосами, изможденную, отрешенную, с каким-то странным уплывающим взглядом, словно она смотрела мимо него. Она крепко прижимала к груди младенца – их сына, которого Савва обожал, ради которого мог уничтожить весь мир.

Жена, едва касаясь босыми ногами воды, шла к нему по Бельскому озеру, держа на руках сына.

Савва Стальевич Псалтырников увидел ее так ясно, так отчетливо, что не сдержался и хрипло заорал. Или это был вопль боли? Потому что новый ужасный спазм пронзил его тело, и он рухнул сначала на колени, хрипя и стоная. А затем могучая судорога скрутила его и бросила в воду ничком. И он в агонии замолотил по воде руками, захлебываясь на мелководье и ощущая, что его живот изнутри словно рвется на части.

Он еще смог приподнять голову над водой.

Его покойная жена с младенцем на руках стояла прямо над ним.

А потом она босой ногой толкнула его дальше в воду.

И наступила ему босой ногой прямо на шею.

И вода залила его рот и глотку.

Что-то в животе словно лопнуло, исходя кровью.

И сердце в груди остановилось.

Глава 4

Бронницы. Ансамбль присутственных мест

Наши дни

В обеденный перерыв Катю – Екатерину Петровскую – криминального обозревателя Пресс-центра ГУВД Московской области срочно вызвал ее шеф, начальник Пресс-службы.

Катя только закончила эпохальный труд – статью об издевательствах над задержанными в ИВС Старогубского отдела полиции. Скандал по этому поводу грянул во всех СМИ, и факты действительно подтвердились и были просто вопиющими – прямо фашистское зверство. Задержанные все были простыми горожанами, выступавшими против мусорных полигонов. Пресс-служба не могла остаться в стороне от таких событий, и шеф сказал, что «подонков мы прикрывать не будем. Пишем все как есть, без купюр».

Это была теперь его любимая фраза: «Пишем все как есть, без купюр». И Катя уважала шефа за это. Вот только боялась порой, что его самого или уволят, или подставят.

– Екатерина, такое дело – как ты смотришь на то, чтобы поехать в Бронницы? – спросил шеф, стоя у окна, когда Катя вошла и расселась как барыня.

– Зачем? – подняла бровь Катя. – Я на это плохо смотрю. Это далеко. И там делать нечего.

– Как раз есть чего. Начальник Бронницкого отдела Денис Скворцов вчера позвонил мне и попросил помощи. Он помнит отлично то дело, которое началось на Патриарших и так страшно закончилось в Бронницах. Вы с полковником Гуциным его распутывали[3 - Подробно об этом деле рассказано в романе Т. Степановой «Грехи и мифы Патриарших прудов»]. Жаль, статью нельзя было написать по всем фактам. Скворцов тебя хорошо помнит, – тут шеф Пресс-службы обернулся. – У тебя ведь в том деле был помощник – местный сотрудник.

– Клавдий Мамонтов. Он тогда работал в ГИБДД, а полковник Гуцин...

– Хотел перевести его к себе в розыск, но тот отказался наотрез, – шеф помолчал. – Бронницы – тихий район. С тех самых пор там ничего интересного не

происходило. Но вот на днях...

- А что случилось в Бронницах? - осторожно спросила Катя.

- Скворцов сам все тебе расскажет. Он обратился к нам, имея в виду конкретно тебя, потому что... он мне сказал: «Никто так сильно вообще не похож на сотрудника полиции, как эта ваша репортерша. А это как раз то, что надо». И ты ведь по-английски свободно говоришь.

- Да, - не стала скромничать Катя. - А там что, иностранцы замешаны?

- Нет. В деле фигурируют некие документы. На английском. Если ты, конечно, дашь согласие на несколько дней поехать в командировку в Бронницы. Дело того стоит, как я понял. И уж об этом деле мы напишем такую статью!

- Хорошо, я завтра поеду в Бронницы.

- Сегодня, - отрезал шеф. - Ехать надо сегодня. Не откладывая. И вот еще что - сначала ты отправляйся домой, соберись. И возьми с собой пару вещей - таких... ну... стильных, модных. Деловые костюмы. Офисный стиль. Все это пригодится.

- Где? В Бронницах?

- Это не деревня, Катя. Не ехидничай. Это маленький, однако весьма гордый уникальный городок. И население там - бронничане - тоже гордое и самобытное.

И вот так просто - с загадочной улыбкой от шефа - Катя и попалась на тот крючок, оказавшись в водовороте невероятных, трагических и странных событий.

Гордые и самобытные...

Она повторяла себе это, пока собиралась дома, - выбирала, что из одежды лучше взять. Пока садилась в свою маленькую машинку «Мерседес Смарт». Пока катила по московским пробкам, вырываясь на простор федеральной трассы, пока въезжала в эти самые Бронницы...

Гордые и самобытные...

Клавдий Мамонтов...

Но он московский, он не оттуда. И, наверное, он давно уже покинул эту заштатную дыру. Он, помнится, вообще не хотел работать в полиции. Был до крайности разочарован.

Отдел полиции располагался на улице Красной в самом центре города. Почти напротив собора Архангела Михаила с его колокольней с часами. Часы как раз пробили половину шестого, когда Катя перешагнула порог ОВД.

– Майора Скворцова нет, – ответил ей дежурный. – Как уехал утром, так пока еще и не вернулся. А вы из Главка? Он предупредил. Просил, чтобы вы его подождали.

Куда уж ждать, день рабочий заканчивается...

– У вас здесь, в ГИБДД, был сотрудник Клавдий Мамонтов, – сказала Катя. – А он... он еще работает?

– Он в отпуске со вчерашнего дня, – дежурный сдвинул очки на нос. – Знаете Мамонтова?

– Мы работали вместе по одному делу. Я хотела повидаться. Где находится ваше ГИБДД?

– В памятнике архитектуры Ансамбль Присутственных мест, – отчеканил дежурный. – Не путайте только с Пожарным сараем девятнадцатого века. Все путают. А там сейчас гараж МЧС. Бардак. Пойдите... куда вы?

– В Ансамбль Присутственных мест. Может, там мне скажут, как разыскать Мамонтова.

– Я сейчас ему позвоню, – дежурный достал мобильный и набрал номер. – Здорово, друг... не хило... Ты где? А, хорошее дело. Тут из Москвы... Из Пресс-службы тебя видеть хотят. Ну, я думаю, это она и есть.

Катя воззрилась на дежурного: а это еще что такое?!

– Меня Клавдий каждый раз предупреждает, что к нему, мол, могут приехать. Из Пресс-службы Главка. Так он говорит: «Хоть на дне морском меня отыщи и сообщи». Он ведь у нас часто в отъезде. Типа командировки – его соседнее УВД в аренду берет. Он сейчас на Бельском озере. На этом, как его... каноэ своем... плавает там. Он уже плывет. Идите, идите на озеро. Это рядом – только парк миновать – и набережная. Он у причала вас будет ждать, так он сказал.

Катя оставила свою крохотную машинку на стоянке ОВД и направилась к озеру.

Итак, значит, Бронницы...

Она оглядела центральную площадь. Нечто уютно-плоское, как блин, однако с высоченной колокольней. Тихое до дрожи (и машины-то не ездят, а ведь шесть часов, час пик). Этакое типично подмосковное – без унылой деревенщины, однако и не совсем дачное. Бедное, неказистое, но приятное на ощупь. Вроде как сказочка про Иванушку-дурачка из местных, который, однако, уже успел ошипать ясна сокола для воскресного барбекю и снять с серого волка шкуру на коврик для «Джипа».

Ансамбль Присутственных мест она миновала – его недавно покрасили желтой ядовитой краской. И он сиял. Пожарный сарай пах бензином. Парк оказался приятным, но она держалась центральной аллеи – вечер все же. Вечером в парке – да мало ли...

Над Бельским озером в этот не по погоде теплый октябрьский вечер стелился густой туман. Катя подошла к причалу. Здесь же эллинг для каноэ и лодок.

Тишина. Пустота. Сумерки.

Плеск весел. Сильные мощные гребки.

Из тумана выплыло каноэ.

Мощные плечи гребца. Светлые волосы – короткая стрижка...

Я, Клавдий...

Сколько же они не виделись?

Еще два мощных гребка, и каноэ зарылось носом в берег. Он выпрыгнул. Конечно, Катя его узнала. Как было не узнать? Серая толстовка обвязана вокруг пояса. Ему всегда было не холодно, даже на ледяном ветру. Серая, промокшая от пота футболка. И татуировка на левом предплечье – крылатый грифон.

Я, Клавдий...

– Здравствуйте, Клавдий.

Он смотрел на нее.

– Привет. Вы приехали?

– Я приехала по делу. Меня вызвал ваш начальник Скворцов.

– Ясно. Я рад, что вы приехали, Катя.

– Я-то здесь, а ваш начальник куда-то делся.

– Найдется. А я все ждал, что вы приедете. Но потом... ну, короче, понял – обещанного три года ждут.

Клавдий все смотрел на нее. Катя подумала – лучше бы они повстречались с ним в отделе в деловой обстановке. А не здесь, в этом тумане на берегу бескрайних вод.

– Вы в отпуске?

– Скворцов попросил меня пока в отпуск уйти.

– Мне надо в отдел вернуться, вдруг он приехал?

Клавдий Мамонтов легко поднял свое каноэ вместе с веслами.

– Идемте.

Катя зашагала по дорожке. Мамонтов шел рядом с ней.

– Я, честно говоря, думала, что вы давно уволились из ГИБДД и уехали из Бронниц.

– Нет, я все еще здесь.

– Вы увлеклись греблей?

– А здесь больше делать нечего. Качалка в фитнес-клубе да гребные гонки.

– Городок такой милый. Славный, – Катя решила перевести в светское русло разговор, который по вине Мамонтова то и дело зависал на многозначительные долгие паузы. – Все отреставрировано. Часы на колокольне.

– Могила декабриста Фонвизина – местная достопримечательность, – неожиданно охотно поддержал разговор Мамонтов. – И могила Пущина, друга Пушкина. А еще вам все здесь в Бронницах расскажут, что старший сын Пушкина, Александр Александрович во время отмены крепостного права был здесь, в уезде, мировым посредником – споры улаживал между крестьянами и дворянами по поводу земли. Его жена владела здесь имением и конезаводом. И у Фонвизиных тоже было имение.

– Как вы все тут успели изучить, – похвалила его Катя. – А вы... все там же живете?

– Да, на папиной даче. Родители летом приезжают. А потом бросают меня одного на произвол судьбы.

– Никогда бы не подумала, что вы задержитесь здесь, Клавдий.

– Гены, наверное, – он усмехнулся. – У меня предок здесь ошивался. Еще в девятнадцатом веке, тоже как раз во время отмены крепостного права. Он

приехал сюда якобы торговать имение Фонвизиных. Но так его и не купил. Как семейное предание говорит – не потянул цену. Пить надо было меньше и в карты играть.

– Может, он был знаком и с сыном Пушкина? – предположила Катя.

Клавдий посмотрел на нее, не замедляя шага. Каноэ его явно было тяжелым, а Мамонтов нес его точно пушинку.

– Здесь еще вам расскажут про Гордея Дроздовского, отца белого генерала Дроздовского, – тут же продолжил Мамонтов. – Тоже судьба его сюда в Бронницкий уезд забрасывала.

– А это что, Клавдий?

– Где?

– Вон тот особняк за забором, – Катя указала на дом в конце улицы, по которой они в данный момент проходили.

Двухэтажный желтый особняк с двумя колоннами, но облупленный и с очень ржавой крышей. Мрачный дом, если не сказать больше.

– Это дом Крауха, – ответил Клавдий. – Тоже местная достопримечательность. Типа страшного дома с привидениями. Это когда-то была гостиница с трактиром, которую содержал немец Иона Краух. Ну и, конечно, по легенде, там произошло ужасное убийство. Как же без этого.

– А кого убили?

– Клавдий, помочь тебе с твоим Летучим Голландцем? – это их окликнул дежурный по ОВД, вышедший выкурить сигаретку на вольном воздухе.

Клавдий поставил каноэ на асфальт рядом с крыльцом отдела.

– Чтобы пальцем никто до утра не трогал.

– Кому надо-то? Значит, встретил? – дежурный с любопытством созерцал Катю и Клавдия, пуская кольца дыма.

– Скворцов приехал?

– Он звонил. Он задерживается, – дежурный обернулся к Кате. – Я сказал, что вы приехали. Он извиняется – никак не вырваться пока. Он просит вас завтра с утра быть у него в девять.

– Ладно, – вздохнула Катя, – что поделаешь. Мне надо найти гостиницу.

Она заметила, как Клавдий сделал в сторону приятеля-дежурного выразительный жест: все, отвали. Оставь нас. И тот поплелся в отдел, не докурив.

– Катя...

– Что? – она была занята своим смартфоном, разыскивая на booking местную гостиницу.

– Здесь нет гостиниц.

– Нет? То есть как? Ну ладно, найду все равно что-нибудь. Не возвращаться же в Москву в такую даль.

– Моя дача... – произнес Мамонтов, – то есть этот вариант полностью не проходит, да?

– Я лучше поищу гостиницу.

– Здесь сдают гостевые дома. Тем, кто приезжает на озеро. Как раз знаю один такой. И плату они с вас возьмут скромную. Сейчас не сезон. Пойдемте, отведу вас. Там вполне комфортно.

Они двинулись назад, от отдела к дому Крауха.

– Это ваши знакомые сдают?

– Я их знаю. Хорошие люди. Брат – менеджер на «Бронницком ювелире». А у его старшей сестры лавочка ювелирная.

Катя заметила лишь сейчас, что почти весь центр Бронниц – это частный сектор и совсем нет ни многоэтажек, ни хрущевок.

– Мне надо вещи из машины взять. Я ее оставлю на стоянке у отдела, – Катя вернулась и открыла свой «Мерседес Смарт». Забрала обе сумки. Увесистые.

Клавдий сразу подошел и взял ее багаж. А потом повел Катю по улице. Он молчал. Его явно что-то беспокоило, смущало. Он на что-то решался.

Почти напротив дома Крауха – два добротных новых строения под металлочерепицей.

– Сейчас договорюсь насчет вас, – Клавдий позвонил в калитку.

Катя отметила – один дом за высоченным забором, а второй – явно гостевой, фасадом и дверью прямо на улицу.

Калитку открыла женщина лет сорока – пышная такая, сдобная, ну прям как булочка. В розовом, в обтяжку, спортивном костюме, с густыми светлыми волосами, щечками, как яблочки, пышной грудью и крутыми налитыми бедрами. При виде Клавдия Мамонтова она вся так и вспыхнула и заколыхалась. Обрадовалась.

Катя стояла на улице. Ждала. А они о чем-то негромко разговаривали. Пышная блондинка сначала пожала плечами. Потом отрицательно покачала головой. Она долго рассматривала Катю, потом все же вежливо кивнула ей. Катя ответила тем же. Это хозяйка гостевого дома и по совместительству лавочница? Она была гораздо старше Клавдия Мамонтова, который в данный момент явно в чем-то горячо ее убеждал. И вот она кивнула, скрылась на пару минут и вернулась уже с ключами. Вручила их Мамонтову.

Тот подошел к Кате.

– Все, договорился с ней. Она и задатка с вас не возьмет. Оплата по факту – сколько проживете. – Он отдал ей ключи, а сам занес сумки на крыльцо. – Все убрано. Единственное неудобство – дом большой, рассчитан на постояльцев, на семейные пикники. Будете там одна.

– Спасибо, Клавдий, – искренне поблагодарила Катя.

– Всегда пожалуйста, – Мамонтов улыбнулся ей и не стал ждать, пока она откроет дверь пустого гостевого дома. Явно не напрашивался в гости.

Катя отперла дверь, нашарила выключатель. Перед тем как шагнуть за порог, оглянулась.

Клавдий Мамонтов и сдобная блондинка стояли у калитки. Блондинка демонстративно обвила его шею руками, поднявшись на цыпочки, и сейчас сладко и самозабвенно целовала в губы.

Знойный, страстный поцелуй напоказ.

А он... он крепко обнимал ее увесистые телеса.

Вот она потянула его, игриво увлекая за собой. И они скрылись за калиткой.

Катя аккуратно закрыла дверь гостевого дома. Прислонилась к ней спиной, вслушиваясь в тишину пустой мрачной прихожей.

Глава 5

И снова напарники

– Смерть крайне подозрительная. И пока на сто процентов ясно лишь одно – это не смерть от естественных причин, – объявил Кате майор Денис Скворцов, когда она явилась к нему в отдел полиции на следующее утро ровно в девять часов.

Начальника бронницкого отдела полиции Катя, убей бог, не помнила – а ведь они с Гушиным приезжали к нему, беседовали, забирали уголовное дело. Но она Скворцова не помнила совсем. Удивительно, что он ее запомнил – такая яркая неординарная личность, да? Катя тогда сразу же запомнила лишь Клавдия Мамонтова. Ну еще бы!

А майор Скворцов был худ, быстр как горноста́й, на его носу с горбинкой красовались очки, чем-то похожие на пенсне, ото лба начинались залысины. Левая рука его, закованная в гипс, покоилась на перевязи. Катя подумала, что главный бронницкий полицейский с внешностью домашнего репетитора не слишком подходит этим самым Бронницам, самобытности которых она уже успела подивиться по пути в ОВД.

Она вышла из гостевого дома в половине девятого. Оделась, как и рекомендовал ей шеф Пресс-службы, тщательно, стиль деловой от «Джил Сандер», ее любимой марки – белая хлопковая рубашка, черный брючный костюм, вместо туфель на шпильке – лоферы. Из украшений – только браслет. Стиль – дорогой столичный минимализм. Шик и простота. Она пока не знала, что ее ждет и что предстоит делать, но костюмчик «должен сидеть».

На дом ювелирши, где заночевал на пышных бронницких перинах Мамонтов, она даже не оглянулась.

Проходя по главной улице мимо магазина хозтоваров, она узрела странного аборигена – крепкий мужчина в толстовке и брюках карго таскал коробки и ящики в «Форд»-грузовичок. Он что-то бормотал и активно жестикулировал. Его круглое лицо блестело от пота, а глаза поражали этаким застывшим в них трагическим «византизмом» – почти как на иконах, но еще более истовым и со звериной серьезностью. Все приятное впечатление от его относительной молодости и крепкого сложения сводила на нет бритая налысо голова. И череп его блестел в лучах осеннего робкого солнца, словно позолоченная маковка.

– Россия, нищая Россия... мне избы серые твои... Ах ты... все плохо живем? Это хотел сказать, да? Это? Декадент... все одна Европа на уме, а здесь, значит, избы да расхлябанные колеи, и спицы, блин, вязнут, да? А при ком мы лучше жили? – бритоголовый с силой шарахнул ящик в кузов «Форда». – Нет, ты ответь мне, при ком мы лучше жили, а?

Незнакомец явно дискутировал с поэтом Блоком, применяя к нему нелестные эпитеты из политических телевизионных шоу. В ящиках что-то позвякивало, словно тайно возражало – ехидно и нечленораздельно. И от этого бритоголовый малый разъярялся лишь пуще.

Катя быстро забыла о странном типе. И, как оказалось, зря. Потому что их следующая встреча была не за горами.

А майор Скворцов в своем кабинете после приветствия и обмена дежурными любезностями и извинениями сразу начал с главного: «Смерть крайне подозрительная».

– А кто умер? – спросила Катя.

– Все расскажу вам, – пообещал Скворцов. – Только сначала один вопрос – вы по тому, прошлому делу работали с нашим сотрудником Клавдием Мамонтовым. И весьма плодотворное вышло то сотрудничество. Вы не против снова поработать с ним напарниками?

Возможно, вчера часов этак в шесть вечера, если бы Скворцов не задержался неизвестно где, она бы и ответила – да, конечно, не против. Однако после поцелуя напоказ с ювелиршей она вовсе не была уверена, что вообще хочет видеть Мамонтова снова.

– Я не понимаю, он ведь в ГИБДД, – уклончиво ответила Катя.

– Он с тех самых пор переведен мной в канцелярию, – объяснил майор, – занимается банком данных по машинам – номера, угоны. Компьютерные базы.

– Мамонтов в канцелярии?

– Я его на «землю» не пускаю, сугубо картотека, – Скворцов глянул на часы над дверью. – Что-то он запаздывает. Мы его редко видим. Его у нас соседние УВД то и дело берут в аренду.

– То есть как в аренду?

– Когда какое-то серьезное задержание. С применением оружия. Не кланяться же нацгвардейцам. Мы уходим от сотрудничества с жандармерией, репутация в глазах населения у них швах. Так что мы здесь, в полиции, обходимся своими силами. А Мамонтов, учитывая его прошлое – работа в такой структуре, в «секьюрити» такого крупного бизнесмена... Он же профи, бывший телохранитель. Соседние УВД его приглашают помочь, берут у нас в аренду, и он делает все порой один, сам – раз, и готово. Наши только на подхвате. Цены ему нет! Но надо вот так держать! Строго! – Скворцов стиснул худенький кулак и ткнул им свою руку в гипсе. – Это он мне сломал. Костолом чертов! Приемчик один показывал крутой. Ну и не рассчитал. Ничего, срастется. Я на него не в обиде.

В дверь кабинета постучали. И появился Клавдий Мамонтов – одетый очень тщательно и даже со вкусом. Тоже в черном дорогом костюме бывшего бодигарда и белой рубашке. При галстуке.

«Как клоны мы с ним, прямо гендерное равноправие, – подумала Катя недобро. – Рубашечку, интересно, кто ему утром гладил?»

– Добрый день, – Клавдий кивнул им. – Денис Петрович, я готов.

– Я сейчас принесу документы, – сказал Скворцов. И вышел из кабинета.

– Катя, как спали на новом месте? – спросил Мамонтов после затянувшейся паузы, потому что Катя демонстративно занималась своим смартфоном, пролистывая «Фейсбук».

– Прекрасно, спасибо.

На языке так и вертелось спросить – а вам как спалось в гостях? Но Катя решила вообще эту тему не поднимать. Мамонтов словно хотел каких-то выяснений, объяснений. Ну, уж нет, обойдемся без этого.

Скворцов вернулся с папкой документов.

– Это материалы страхового фонда. Фонд выражает крайнюю озабоченность – он же был их клиент. И он застраховал себя на очень солидную сумму.

– Кто? – спросила Катя.

– Наш покойник. Савва Стальевич Псалтырников.

Катя удивленно глянула на Скворцова. Фамилию она слышала – ее порой упоминали в новостях.

– Да, не кто иной, как Псалтырников – тот самый, про которого столько писали и прежде, и сейчас, но сейчас, конечно, реже. В прошлом, как говорится, – «особа приближенная к императору», говорят, входил в самый ближний круг. Занимал такой высокий пост – глава департамента, ранг федерального министра. Один из первых, кто угодил под санкции. А потом вдруг в одночасье уволен со службы с мотивировкой «утрата доверия». И все из-за сына, который проживает в Лондоне и имеет гражданство Великобритании. И который наотрез отказался этого гражданства лишаться, когда его отцу приказали – мол, так надо, политическая ситуация того требует, и ваша должность высокопоставленная. Из-за сына Псалтырников потерял все. Он даже был вынужден уехать из Барвихи – соседи перестали с ним знаться. Как это у нас бывает – пока при должности, все наперегонки кланяются, а как вышел в тираж, и замечать перестают, словно ты место пустое. Три года назад он перебрался сюда к нам, в Бронницы. Он здесь когда-то давно начинал свою карьеру на ювелирном заводе инженером. В места юности его потянуло. У него здесь поместье, на озере нашем Бельском. Там его и нашли мертвым на берегу восемь дней назад.

– Он, помнится, когда при должности состоял, все на Афон летал, как архангел, – заметил Клавдий. – Я читал в интернете – всем департаментом они фрахтовали самолет. Есть дела, нет дел – все бросали и летели на Афон молиться. Такие богомолы! И огонь благодатный он из Иерусалима любил возить – прямо как Прометей. А потом Фанар дал нам пинка, и Афон накрылся. Так что о нем теперь в прессе только в «судебной хронике» – он судился со всеми подряд изданиями, то требовал изъять о себе и семье все упоминания в интернете – типа гражданской смерти, что ли? То чтобы не писали, сколько у него денег и каково состояние его сына, на которого он в Англию капиталы перевел.

– Доходило до того, что рассматривалось одновременно до десяти исков против средств массовой информации, – кивнул Скворцов. – Мне его экономка-секретарша это поведала с гордостью. Но теперь все в прошлом. Он мертв.

- Вы подозреваете, что его убили? - прямо спросила Катя.

- Сейчас пока мы можем сказать лишь то, что это не естественная смерть. А убийство или самоубийство - это и предстоит нам выяснить.

- А что стало причиной смерти?

- Яд. Отравление.

Мамонтов стукнул кулаком по спинке стула, стоявшего рядом.

- Отравление! Тогда понятно, чего ты, Денис, такой встрепанный. Ну, конечно, отравление!

- Но, как я поняла, Псалтырников вот уже несколько лет не у дел. Он на пенсии официально, - заметила Катя.

- Там бывших не бывает. Государственные секреты, - ответил Мамонтов. - Кто-то решил, что он не нужен.

- Обстоятельства происшедшего несколько иные, - возразил Скворцов. - Мы яд нашли. Яд находился у них в доме. Это не привнесенная кем-то субстанция. Это было там у них. И еще - никого чужих. У него камеры по периметру ограды, я все тщательно сам просмотрел. Ни сбоев, ни отключений. В поместье никто не проникал. Когда все это произошло, там находились только свои. Его родственница, его сын с женой, его обслуга, приживалы и гость. И народа немного. И все эти люди - они не случайные. Он их знал много лет. И со всеми был в хороших отношениях.

- От нас-то что тебе нужно, Денис Петрович? - спросил Мамонтов.

- Я хочу, чтобы вы поработали под прикрытием. В прессу о том, что мы нашли яд и обнаружили признаки отравления у Псалтырникова, информация, к счастью, не утекла. Все прошло как скоропостижная смерть. И ажиотажа эта новость не вызвала. Его похоронили на Троекуровском кладбище. А вчера... вчера я ездил с экспертами-химиками на эксгумацию тела.

- На эксгумацию? – удивилась Катя. – Поэтому вы задержались?

- Поэтому. Возникли некие новые обстоятельства после повторной химико-биологической экспертизы образцов его внутренних тканей. И экспертам потребовалась эксгумация тела.

- И что они обнаружили?

- Пока идут исследования. Это будет ясно через несколько дней.

- Что за яд?

- Арсенит натрия.

- Никогда о таком не слышала.

- Я тоже, – Скворцов кивнул, снял очки-пенсне. – Как мне сказал эксперт, неорганическое соединение, соль щелочного металла натрия и мышьяковой кислоты.

- Мышьяк?

- Не совсем. Это бесцветные кристаллы, которые хорошо растворяются в любой жидкости, в воде и образуют ядовитый кристаллогидрат.

- И все это находилось в доме Псалтырникова?

- Да. На его конюшне. Препарат называется «Мышьяковокислый ортонатрий», – Скворцов сверился с какими-то записями в блокноте. – Это ветеринарный препарат, применяемый для наружной обработки животных. У Псалтырникова в Барвихе имелась большая конюшня. Его лошади брали призы на скачках. Но все в прошлом. Все это распродано. Осталось две лошади для прогулок. И обе запаршивели. Так мне сказали во время обыска – там у них все официально. Этот ортонатрий был приобретен в ветклинике по рецепту от ветеринара сотрудником, который занимается конюшней. Он клещей этим средством уничтожал, когда коней обтирал. И этот самый ортонатрий найден в тканях почек Псалтырникова.

– А это не мог быть несчастный случай? – спросила Катя. – А то ведь люди средство для очистки труб по ошибке пьют.

– Нет, они знали, что это яд, и хранили его как яд. Хотя в конюшне ничего на замок не запиралось. Каждый из находившихся в поместье мог иметь к этому веществу доступ. И сам Псалтырников мог иметь.

– И все же, что нужно от нас? Какая работа под прикрытием имеется в виду? – спросил Мамонтов, слушавший все это очень внимательно.

– Вы оба по прошлому делу работали таким образом. Тогда, насколько я знаю, вы покупали информацию у инсайдеров. А у нас дело об отравлении. Внутрисемейное дело. И все фактически инсайдеры. Мы, полиция, чисто полицейскими нашими обычными методами это дело не раскроем. И прослушку ставить бессмысленно – о таких вещах никто вслух не говорит. Полицейским вообще никто ничего не скажет. Но, возможно, что-то расскажут другим.

– Кому? – Мамонтов глянул на Катю.

– Когда деньги большие на кону. Страховка, которая, заметьте, фигурирует в завещании. Представителям страхового фонда.

– Какого страхового фонда?

Скворцов открыл папку с документами.

– «Ассошиэйтед лимитед» – швейцарский страховой фонд со штаб-квартирой в Сингапуре. Сразу после похорон Псалтырникова нам пришел официальный запрос из фонда – они имеют здесь в Москве свои отделения – о причине смерти. Псалтырников три года назад застраховал себя в этом фонде на пять миллионов долларов с указанием имени наследника – это его сын. Сумма по сравнению с общим его состоянием небольшая. Но эти швейцарские китайцы из Сингапура деньгами разбрасываться не привыкли. Они просят официальное подтверждение у полиции, что это был не суицид. Я им ответил по телефону, что пока мы такого подтверждения дать не можем. Они сказали, что, возможно, это мошенничество и фонд обязан провести собственное расследование с привлечением частных структур.

– То есть как мошенничество? Он же умер, – удивился Клавдий Мамонтов. – Или они сомневаются, что это его труп?

– Они не сомневаются, Псалтырникова официально опознали. Но по правилам страховки самоубийство клиента отнесено к рангу мошеннической схемы с целью передачи денег страховки наследнику. Поэтому они настаивают на собственном независимом расследовании всех обстоятельств происшедшего. Я им сказал, что Псалтырников был чиновником высокого ранга и к такому расследованию никто не позволит привлекать каких-то частных с улицы. Они согласились, предложили мне проконсультировать их в этом вопросе. Я сказал, что есть проверенные сотрудники, лицензированные, опытные, которых я могу рекомендовать. Наши интересы – полиции и фонда – совпадают полностью. И мы, и они хотим установить истину, как все было на самом деле. Поэтому они согласились принять нашу помощь. А я посчитал, что лучших кандидатур на роль детективов страхового фонда, чем вы, мне не найти. Вы ну совсем не похожи на полицейских. Считайте это за комплимент. Ни внешне, ни по состоянию ума. Ты вон, Мамонт, такие речи анархические толкаешь порой, – Скворцов усмехнулся, – что так и тянет кинуться проверить, не напихало ли ФСБ жучки здесь, в кабинете. Екатерина – журналист, а они все вольнодумцы. К тому же она английский знает, а здесь часть документов не переведена. И вы уже успешно работали вместе раньше. Это тоже немаловажно. Ну как, согласны?

– Я что-то мало верю в успех этого предприятия, – честно ответила Катя.

– Попытка не пытка. Я согласен, – ответил Мамонтов.

– Даже не веря в успех? – Катя глядела на него строго.

– А что еще остается? А то будет всяк. Нераскрытое дело. Денису Петровичу минус в отчетности.

– Ладно, чтобы не портить отчетность, постараюсь помочь и я, – без энтузиазма согласилась Катя.

– Вот и славно, – Скворцов обрадовался, сверкнув своими очками-пенсне. – Ознакомьтесь с документами фонда. Вот еще на флешке. А это оперативные данные – список всех, кто находился в доме, и наша съемка с похорон.

Он включил ноутбук, повернул к Мамонтову и Кате.

– А что, они там все эти восемь дней после похорон так и сидят в поместье безвылазно? – спросил Клавдий.

– Пока им деваться некуда – обслуге, приживалам, – развел руками Скворцов. – Еще не очухались. У сына и его жены я забрал паспорта, как только стали известны результаты экспертизы по отравлению. Они не возражали, демонстрируют полное желание сотрудничать со следствием. Забрал загранпаспорт и у его племянницы. Она тоже не возражала. Там только один господин впал в истерику – некто Ярослав Лишаев, бизнес-компаньон Псалтырников. Он находился у них в поместье, когда Псалтырников умер. Говорит, приехал специально повидаться с ним и его сыном. Лишаев все порывался сделать ноги. Но я и у него паспорт забрал. А он обещал подать на меня жалобу в прокуратуру за самоуправство – у него, мол, дела в Питере, ему срочно надо ехать. Но пока он там. Да, еще вот что – мы во время обыска изъяли в доме чуть ли не целый арсенал – охотничьи ружья, помповые, все это Псалтырникову дарили, он сам не охотник. Изъяли его наградной пистолет, а также пистолет его охранника Дроздова – тоже, кстати, наградной. Кучу холодного оружия – в основном охотничьего. Все очень дорогое. Оружия было в доме полно, а Псалтырников получил не пулю, не удар ножом, а яд. Это так, информация к размышлению.

– Женщин много в доме, – ответил на это Мамонтов, просматривая список подозреваемых.

Катя тоже глянула – пока эти фамилии ей ничего не говорили. Она просмотрела на ноутбуке и фотографии с похорон. Все в трауре. Люди разного возраста. Похороны очень скромные (по количеству пришедших проститься) и одновременно богатые (с точки зрения всего похоронного антуража).

– Они в курсе эксгумации тела? – спросила она.

– Я обязан был поставить в известность его сына. Поставил. Он сказал – делайте, что должно. Ну все, читайте документы, вникайте в материалы. Через два часа поедете туда к ним.

Катя прочла документы фонда, кратко изложила Мамонтову суть перевода тех частей, которые были на английском. Клавдий знал английский в пределах школьной программы, мог в разговоре вернуть словцо, однако в юридических терминах был несилен. Поэтому сейчас он больше изучал оперативные данные – список подозреваемых, фотографии и видео с похорон. Дважды тихонько удивленно присвистнул. Катя не стала спрашивать, что его так поразило.

Скворцов отдал им свой собственный щегольской портфель для документов. Катя собрала туда бумаги.

Все трое вышли из отдела. Скворцов вызвался проводить Катю и Клавдия до середины пути – он планировал опросить охрану Олимпийского комплекса, которая обычно обходила «свой» берег в ночное время. И Скворцов собирался узнать – не заметили ли охранники чего-либо подозрительного в ночь смерти Псалтырникова, так как его дом и большой участок выходили прямо на Бельское озеро.

– Все же ты спецслужбы со счетов не сбрасываешь, – хмыкнул на это Мамонтов. – Раз – и в ад отправили старика.

– Псалтырникову шестьдесят пять лет, – сказал Скворцов. – Не такой уж и старик. Но да, среди праздновавших он был самый старший. Его секретарше-экономке шестьдесят четыре. Остальные все гораздо моложе его.

Клавдий кивнул и распахнул дверцу черного внедорожника – Катя узнала его машину.

Поехали через Бронницы. Катя узрела пенаты, давшие ей кров минувшей ночью, дом ювелирши. И тот самый дом с привидениями – бывшую гостиницу Крауха. Его пыльные темные окна, казалось, не пропускали внутрь дневной свет.

– Между прочим, этот наш архитектурный памятник – собственность Псалтырникова, – сообщил ей Скворцов. – Городская администрация его Псалтырникову за рубль продала с условием неременной полной реставрации. Памятник истории города – и сломать нельзя, и покупать его никто не хотел. Здесь люди не суеверные, но с этим домом отчего-то не связывались. Псалтырников обещал все отреставрировать. А теперь снова здорово. Сынок его вряд ли всем этим заниматься станет.

Катя смотрела на дом за забором. Такое впечатление, что это лишь часть строения. Трактир, гостиница и постоянный двор не поместились бы под этой крышей. Здесь, видно, прежде было что-то еще – может, пристройки, флигеля.

Там ведь тоже кого-то убили... Кого? За что? И как странно – тот, кто захотел вернуть этому месту прежний облик, теперь тоже мертвец.

Глава 6

«Невидимкою луна освещает снег летучий...»

9 февраля 1861 г. Гостиница-трактир Ионы Крауха

Бронницкий уезд

– Они словно преследуют нас, эти комедианты!

Клавдий Мамонтов приоткрыл окно – навстречу вьюге и снегу. В номере крепко пахло потом. Да и накурено было преизрядно.

А за окном на улице, напротив гостиницы и трактира, горели три больших костра, и в багровом свете пламени под музыку флейт, кларнетов и скрипок (все та же старинная мелодия – *Les Indes Galantes*) танцевали и декламировали актеры старой крепостной труппы. Выглядели они небывало в теплых тулупах, в своих кудлатых завитых париках и с золотыми масками, закрывающими лица. И поэма была все та же – «Полифем и Галатя».

– Меланья Скалинская забрала их с собой, – ответил Александр Пушкин-младший. – Сказала, что в имении, где она будет жить до весны, создаст что-то вроде богадельни для них. Не выгонять же старых актеров на улицу. Она здесь проездом. Застряла, как и все прочие проезжающие, из-за бурана. Как видишь, у нее доброе сердце. Жалеет стариков. А мне пришлось отказать ей в гостеприимстве. Так вышло невежливо.

В Бронницком уезде и Мамонтов, и Пушкин-младший находились вот уже четыре дня. И все эти дни жили в одном номере в гостинице Ионы Крауха, забитой до отказа постояльцами, путешественниками и проезжающими из-за февральской непогоды: вьюга не стихала, заметая все дороги. Мамонтов приехал, потому что его позвал с собой в Бронницы Пушкин. Он давно хотел осмотреть выставленное на торги имение Фонвизиных, может, удастся купить задешево? Но по такой погоде и до имения было не добраться ни верхом, ни на возке же.

Пушкин-младший, в январе вышедший в отставку и оставивший лейб-гвардию, приехал в Бронницкий уезд по делам государственной службы. Он должен был выступить в роли мирового посредника между дворянами уезда и крестьянством, после того как Высочайший манифест, которого все ждали со дня на день, вступит в силу и начнутся все эти невообразимые сложности и великая страшная бюрократия с воплощением «освобождения крепостных» в жизнь. Он собирался приехать вместе с женой и дочкой и обосноваться в имении жены Ивановском. Однако в самый последний момент беременной жене стало нездоровиться, и он, оставив ее в Москве, отправился в Бронницы один. И это оказалось мудрым решением, потому что...

– Все чертовы печки дымят в доме, угорают, – жаловался он Мамонтову. – Дом большой, и топить сейчас нельзя – сплошной угар. Два лакея угорели и девчонка сенная, еле откачали. Я управляющего спрашиваю – как так? Почему за домом не следили? Почему все дымоходы не прочищены, почему забиты? А дворовые только кланяются, как болванчики, – «ужо, ужо батюшка-барин, это все воронье своих гнезд понавало в трубах. А сейчас и снега набило туда. Вот, даст бог, распогодится, буран утихнет, начнем с божьей помощью прочищать потихоньку». Ведь для этого ж они в имении живут! Чтобы порядок поддерживать. Так нет! «Ужо, ужо». Вот и стесняю я теперь тебя, Клавдий, в твоём номере гостиничном. А там жить пока нельзя – либо замерзнешь, либо угоришь. Как только объявят эту самую «волю» – выгоню всех дворовых к чертям собачьим! Детины ражие, а только в карты режутся и дрыхнут! Выгоню к свиньям! Пусть идут ремеслу обучаются, торгуют, на жизнь зарабатывают, а не на печи в людской бока отлеживают. Оставляю себе одного лакея на жалованье – из старых солдат. А всех этих дармоедов – вон!

Мамонтов был даже рад этому самому «ужо-ужо». Они с Александром Пушкиным-младшим в результате были неразлучны. Вот и в эту ночь только вернулись вместе с заседания Дворянского комитета, собранного для обсуждения всеми ожидаемого Высочайшего Манифеста.

– Меланья прислала ко мне своего лакея спросить – со мной ли жена, – продолжил Александр Пушкин-младший. – Я сказал: нет. Встретил ее здесь в гостинице – извинился, что не могу ее в имение пригласить из-за чертовых печек. Такой стыд. А когда ругался там, в доме с дворовыми вдруг неожиданно Аликс – в теплом возке, ямщик на козлах, как сосулька. И тоже спрашивает, со мной ли Софи? У нее здесь в пяти верстах от города имение ее дяди покойного, по наследству ей досталось. Она едет туда счета проверять. Как-то все с мест насиженных вдруг сорвались, как птицы перелетные. Этакая всеобщая нервозность, брожение умов... Словно пласт какой-то сдвинулся.

За окном слышались пьяные крики. И внезапно в темных мутных небесах взорвался фейерверк.

– Распоряжение по уездам сверху – устраивать балы, маскарады, народные гулянья, поддерживать у населения бодрый дух в ожидании реформ, – Пушкин-младший хмыкнул. – Праздновать невесть что. Противостоять общественному унынию. Слышишь, как орут? Это офицеры в трактире гуляют. Теперь до утра. Между прочим, Гордей Дроздовский тоже здесь. Я его видел мельком. Вроде как следует в свой пехотный полк. А на самом-то деле...

– Ну, раз Меланья Скалинская здесь задержалась из-за непогоды со своими крепостными актерами, – усмехнулся Клавдий Мамонтов. – Слышишь, как они стараются? Сами себя перекрикивают.

Но лозы рук, хрустальные, крепки – любовь их вьет...

Актриса в тулупе и маске, изображающая нимфу Галатею, хрипела это надсадно вперемешку со старческим кашлем и била в тамбурин.

– Их водкой напоили допьяна, они и стужи не чувствуют, – Мамонтов уже собирался закрыть окно, но внезапно...

Язык и ум теряя разом, гляжу на Вас единым глазом,

Единый глаз в главе моей, когда б судьбы того хотели,

Когда б имел я сто очей, то все бы сто на Вас глядели...

Это громко проорал актер в вывернутом наизнанку овчинном тулупе и золотой одноглазой маске Циклопа, колотя в барабан под нестройную музыку.

- Стихотворение моего отца, - Пушкин-младший всплеснул руками. - «Циклоп». Отец внучке Кутузова это написал с намеком. И вот, поди ж ты! Ну как такое может быть? Я его месяц назад лишь в архиве отца нашел. И нате - они его уже читают с подмостков! Как ушло в народ? Я удивлюсь порой - его стихи, которые он никогда не читал публично, не издавал, даже те, что были запрещены цензурой, ходят в списках, читаются... Как? Откуда?

- Гомер вообще ничего не публиковал, а все греки его знали наизусть. Саша, это гений поэзии, - Мамонтов улыбался. - Это уже не принадлежит ни тебе, ни архиву, ни издателю. Это все уже в воздухе витает. «Товарищ, верь: взойдет она / Звезда пленительного счастья, / Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут...» А насчет «Циклопа» - твоя жена ведь его тоже прочла. Рассказала Меланье, та запомнила, записала и отдала актерам. Благо это старой испанской поэме созвучно.

- Никто нигде и никуда не воспрянет, Клавдий, - Александр Пушкин-младший налил в их бокалы красного вина из бутылки, что стояла на подносе посреди стола. - Оставь эти мечты. Свобода, равноправие, незыблемость закона, уважение прав, достоинство - это все Европа. А мы здесь в своих снегах, в своем азиатском медвежьем углу. Видел, что сегодня в Дворянском комитете творилось? Чуть не до драки... Фельдъегеря с известием о Манифесте со дня на день из Москвы ждут, а сами готовы друг другу в глотки вцепиться. И это уездное дворянство! Это соль нации. Опора государства. Я, мировой посредник, в растерянности. Что будет, когда мужики свое слово захотят сказать? Отец был идеалист. Поэт. Послужил бы он в полку, как я. Пожил бы, посмотрел бы, что сейчас. Где мы очутились, в какой яме после Крымской войны. Никому это счастья не принесло. Все лишь усугубило. Деграция государства, общества... упадок духа, мысли... черная меланхолия. Даже до жандармов это уже дошло. Шеф корпуса жандармов ратует за безотлагательные реформы - на чем это записать, на каких скрижалях? Как мы жили все эти годы? Мне иногда страшно становится. Но я офицер, я солдат, я присягал государю. Я воевал за него! И вот я вижу, до чего он довел Отечество. И умер! Все, финита ля комедия. И наследник сейчас пытается хоть что-то сделать, чтобы все совсем не покатилося в пропасть. В тартарары.

– Та страшная катастрофа в Керчи стала логическим завершением Крымской эпопеи. Всем это ясно уже.

– Его величество это тоже понял.

– А говорят, что с государя нашего все было как с гуся вода. Никого он не слушал, никого не жалел. В конце жизни дикая мания величия и полная уверенность в собственной правоте. Бессердечие и ложь. Я вот слышал... слухи упорные, что его отравили. Когда один человек губит все и он как камень на шее у всех...

Пушкин-младший молчал.

– А как он с твоим отцом поступил, – продолжал Клавдий.

– Отец сам шел навстречу своей судьбе. А насчет слухов... я слышал, что это было самоубийство. Именно от безысходности. Государь сам принял яд. Но Клавдий...

– Что, Саша?

– Я все же служил ему честно.

В темном небе над Присутственными местами и казармами конного полка один за другим начали взрываться ослепительные фейерверки. Время было далеко за полночь. Но костры на площади полыхали. И крепостная труппа по-прежнему пела и плясала под звуки скрипок, кларнетов и флейт. Ветер стих, и снег теперь валил крупными хлопьями, укутывая Бронницы плотной завесой, словно отгораживая от остального мира.

Внезапно во всю эту какофонию музыки и грохота петард ворвался новый звук.

То ли визг истошный, то ли вопль ужаса...

И шел он не со стороны входа в гостиницу, а со двора, окруженного флигелями, где располагались самые дорогие номера.

Клавдий пересек просторную комнату и подошел к окну, выходящему во двор.

Он увидел человека в тулупе с фонарем, бежавшего от флигеля, спотыкающегося, размахивающего руками и что-то отчаянно громко кричащего.

- Карrrrrrrrrраул!!! Убили! Душегубство! Разбоййййййй!

И - топот ног по лестнице, и громкий заполошный стук в двери номера:

- Барин! Ваше высокоблагородие! Беда!

- В чем дело? - Александр Пушкин-младший распахнул дверь.

За ней стояли гостиничный лакей и коридорный.

- За вами послали! Савка в трактир вломился - сам не свой с перепуга.

- Да что случилось-то? Говори толком, - вмешался и Мамонтов.

- Во флигеле, где номера... он говорит, и словами-то не передать, что там такое! Хозяин меня за вами послал. Вы ведь здесь это... око государево!

Пушкин-младший, забыв про сюртук, прямо на рубашку накинул свою старую офицерскую накидку, подбитую мехом. Мамонтов надел шубу, и они пошли за лакеем и коридорным. Спустились по лестнице, прошли черным ходом во двор к флигелям.

Здоровый мужик в тулупе и треухе с фонарем, который и поднял тревогу, стоял у левого флигеля.

- Я, ваше высокоблагородие, я в окно увидал...

Он тыкал в сторону окна одного из номеров.

- Оставайтесь все здесь снаружи, - командовал Пушкин-младший. - Потребуется, я вас позову, но самим не соваться.

Они с Мамонтовым зашли во флигель, прошагали по коридору и остановились перед белой дверью просторного номера на первом этаже.

- Эта комната, - сказал Мамонтов и постучал.

Ему никто не ответил.

Тогда он толкнул дверь, и она со скрипом открылась, являя их взору номер с большой кроватью под бархатным балдахином. Свет давали лишь три оплывшие свечи в бронзовом подсвечнике, который стоял на туалетном столике.

Пушкин-младший и Клавдий увидели это...

В нос ударил густой тошнотворный запах - сладкий с примесью железа.

Запах крови.

Александр Пушкину-младшему, как человеку военному, этот запах был знаком.

Глава 7

Ближний круг

- Открываю, открываю, подождите!

Кто-то, точно выпь на болоте, тревожно и страстно выкрикивал это из-за массивных въездных ворот поместья Псалтырникова.

Катя и Клавдий Мамонтов завезли майора Скворцова в Олимпийский комплекс, переправились через мост и спустя десять минут уже оказались в пункте назначения. Катя весь путь молча просматривала список подозреваемых. Сидела она сзади - и то и дело ловила на себе взгляды Мамонтова, которые он бросал в зеркало.

- Ближний круг, - Клавдий первым нарушил молчание.

- Они нам вряд ли что расскажут, - сказала Катя.

- Будем пытаться, - Мамонтов усмехнулся. - Страховая инквизиция. Люди в черном.

- Да уж, оделись мы с вами как-то излишне идентично.

- Я всегда подозревал о нашем внутреннем сходстве, - Мамонтов теперь уже пристально смотрел на Катю в зеркало. - Вам, Катя, идет черный цвет. И белый тоже. Ну и где тот межгалактический таракан, с которым нам предстоит сразиться?

Они сигналили у ворот поместья минут пять, пока не послышались те истошные крики. Ворота распахнулись, машина въехала, и... Маленький суетливый человечек метнулся чуть не под колеса мамонтовского внедорожника.

- Полиция? Вы опять к нам? Госсподи боже, и когда это все кончится!

- Мы из страхового фонда, - сказала Катя вежливо. - У нас дело к...

Суетливый человечек всплеснул руками, кликнул пультом, закрыл ворота и стремглав побежал по дороге к дому, видному за деревьями. Еще явно не старый, но лысый, черноглазый и весь какой-то облезлый, он напомнил Кате мартовского зайца из сказки про Алису. Он и бежал, как тот заяц по кроличьей норе, - что-то бормоча, взмахивая руками, подпрыгивая на ходу.

- Это Тутуев Эдуард Захарович, - Мамонтов повернулся к Кате. - Из списка. Между прочим, он в прошлом губернатор Ахтырской области[4 - Ахтырская область - название целиком и полностью - фантазия автора. Любые совпадения случайны (прим. ред.)].

- Это бывший губернатор? - Катя смотрела вслед Тутуеву. - А что же это он сейчас... в привратниках здесь?

Они медленно ехали следом за бегущим Тутуевым. Катя оглядывала большой участок, заросший лесом, посыпанные гравием дорожки. И двухэтажный особняк с пристройками, покрытый серой штукатуркой на манер английских домов. Левая пристройка еще в лесах. В правой – стеклянное панорамное окно и стеклянные двери, а за ними угадывался спортзал.

Катя и Клавдий вышли из машины и по ступеням поднялись на открытую террасу. В плетеном кресле сидел мужчина лет за сорок – круглоголовый крепыш в дорогом спортивном костюме и кроссовках. Тоже лысый, с надменным недовольным лицом и полным отсутствием шеи – голову словно прилепили на его покатые плечи.

– Не полиция, не полиция это! Всем отбой! – трещал тревожно Тутуев.

– Что вам угодно? – сухо осведомился лысый крепыш.

– Мы из страхового фонда, – вежливо ответила Катя, – мы приехали по делу к Макару Псалтырникову – сыну нашего клиента, ныне покойного.

– Эдик, сгоняй за Меланьей, – распорядился крепыш, обращаясь к Тутуеву. – Макар без жены никакие вопросы не решает.

– Это... лучше ты сходи, она... Барыня на меня кричала утром. Поругались мы с ней.

Крепыш поднялся из плетеного кресла.

– Барыня? – переспросил Клавдий Мамонтов.

– Домашнее прозвище, – крепыш окинул их оценивающим взглядом. – Подождите здесь, сейчас мы их позовем.

Они скрылись в недрах дома.

– Второй – это Ярослав Лишаев, – шепнул Мамонтов Кате. – Тот компаньон Псалтырникова, про которого майор нам говорил.

Катя пожалела, что невнимательно изучила список и фотографии тех, кто присутствовал на похоронах. Ей было досадно, что Мамонтов узнает обитателей поместья с ходу по снимкам, а она в этом плавает.

Они ждали минут десять. И стало ясно – их специально заставляют ждать на пороге. А затем в дверях появилась очень красивая пара. Катя вынуждена была признать, что сын Псалтырникова Макар и его жена Меланья производят ослепительное впечатление. Она явно старше – ей под сорок, он моложе лет на пять. Она – яркая брюнетка, белокожая, черноглазая, чернобровая. Кудрявые волосы небрежно подколоты, модный свитер открывает одно плечо. Рваные джинсы, бриллиантовое обручальное кольцо Cartier на пальце. А он яркий блондин с голубыми глазами, подбородок украшен ямочкой, стройный, поджарый, сильный. Красавец в стиле французского актера Бенуа Мажимеля. Явно с прекрасными манерами. Одет просто, но стильно и дорого – оксфордская рубашка, серые брюки, мокасины. Катя вспомнила сведения из списка – Меланья не носит фамилию мужа, она в списке подозреваемых значится как Смирнова.

– Добрый день, проходите в гостиную, присаживайтесь, – Макар – само радушие – пригласил их в дом. – Из фонда звонили. Там же у них завещание отца.

Катя и Мамонтов расположились в большой гостиной у камина, на диванах, напротив супружеской пары.

– Приносим вам искренние соболезнования, – начала Катя свою «страховую песню». – Фонд опечален смертью нашего уважаемого клиента. Фонд выполнит все свои обязательства по страховке. Однако возникли некоторые сложности с началом оформления выплат.

– Какие сложности? – спросил Макар.

– Фонд запросил официальные власти, ведущие расследование гибели вашего отца. Они пока не дали нам никаких объяснений, что же стало причиной смерти. И в фонде этим крайне обеспокоены. Потому что если имеется хоть малейшее подозрение в том, что имел место суицид клиента, то договор теряет...

– Какой еще суицид! Савву Стальевича убили, – мрачно изрекла Меланья. – Макар, помолчи, дай мне сказать... Это огромное горе, что так внезапно обрушилось на нас, не может заставить нас закрыть глаза на вопиющие факты.

Полицейские нам объявили – это отравление. Экспертиза нашла в теле свекра яд. Вы понимаете, что это значит?

– Одной из версий полиции является версия самоубийства, – ответила Катя. – Они нам прямо так и заявили. И фонд не может на это не реагировать должным образом.

– И какова реакция фонда? – спросил Макар.

– Мы пришли к выводу, что необходимо независимое детальное расследование происшедшего.

– И они прислали вас все это расследовать?

– Да, – кивнула Катя. – Если вы, как сын и наследник, не имеете на это возражений. Вы, конечно, можете отказаться, но боюсь, что тогда с выплатой страховки возникнут значительные сложности и...

– Расследуйте, – Макар пожал плечами. – Что вам для этого нужно? Обыскать дом? Опросить всех нас?

– Нам потребуется сбор информации, – проговорил Клавдий Мамонтов. – Мы будем вынуждены задержаться в городе, посещать ваш дом и разговаривать с теми, кто...

– Да с кем угодно беседуйте, – Макар глянул на Катю. – Я нашим всем скажу – Ларисе – это помощница и секретарь отца, Дроздову Ивану Аркадьевичу, кузину Галу попрошу. Она ради дяди и меня все сделает. И горничная наша Маша с вами поговорит. И Кузьма, он у нас тоже помощник по хозяйству. Но с гостями отца сами уж договаривайтесь. Я их заставить не могу.

– Спасибо, что вы так быстро решили все эти вопросы, – поблагодарил его Мамонтов.

– Я не ради денег это делаю, – пристально глядя на Клавдия, произнес Макар. – Не ради страховки. Мой отец мертв. И полиция нашла какой-то яд. Я хочу понять, что это такое. Что вообще случилось. Я бы, может, сам детектива нанял,

если бы фонд этим не занялся. В этом деле надо разобраться до конца.

– Это хладнокровное убийство, – повторила Меланья. – Мой свекор Савва Стальевич никогда бы не наложил на себя руки. Он был религиозный человек.

– Да, я читал в интернете насчет его визитов со всем своим департаментом на Афон, – не удержался Клавдий Мамонтов.

– Пресса может зубоскалить как угодно, – отрезала Меланья. – Но мы его знали лучше, чем кто-либо. Он верил в Бога. Он был предан своей семье. Он любил нас. Меня, детей... Он обожал Макара. Он никогда бы не ушел вот так... так страшно, позорно...

– Хорошо, мы приняли к сведению ваше мнение, – согласилась Катя. – С кем первым нам лучше поговорить? Кто, кроме вас, столь близко знал его?

Супруги переглянулись. Макар словно спрашивал у жены совета.

– Поговорите сначала с Ларисой. Это его помощница, она у него работала много лет. Лариса Сулова. Мы же последние годы не виделись с Саввой, – Меланья вздохнула. – Мы в Лондоне, он здесь. Общение только по скайпу. А она была с ним все время. Она потом вызовет для вас всех остальных побеседовать.

– Где нам ее найти?

– Идите в кабинет Саввы. Она там бумаги его разбирает.

– Простите, а кто обнаружил вашего отца в то утро на берегу мертвым? – спросил Мамонтов у Макара.

– Эдичка.

– Кто?

– То есть, я хотел сказать, Тутуев Эдик, – Макар отвечал Мамонтову, а смотрел на Катю. – Это так, домашнее прозвище. Не обращайтесь внимания. У нас у всех здесь есть милые домашние прозвища. Тутуев нашел отца прямо в воде.

– Мы и с ним побеседуем, – объявила Катя.

– Да, конечно, только постарайтесь выбрать его светлый момент.

– То есть?

Макар постучал пальцем по виску. И улыбнулся Кате. А она подумала – он не убит горем. Он не очень-то скорбит по отцу. Он явно оказывает ей знаки внимания. Или хочет очаровать – вот так сразу? И он чертовски красивый парень. Такого красавца даже властной жене трудно держать под каблуком.

Глава 8

«Мутно небо, ночь мутна...»

19 февраля 1861 г. 3 часа ночи

Бронницкий уезд

Кровь – на вытертом ковре, на обоях с виньетками. Кровь на скомканных простынях.

Клавдий Мамонтов и Александр Пушкин-младший на мгновение потеряли дар речи. Застыли на месте как вкопанные. Затем Пушкин-младший резко обернулся к двери, куда уже пыталась пролезть любопытная гостиничная прислуга, слетевшаяся на крик, несмотря на поздний час. Он высунулся в коридор и снова четко по-военному приказал:

– Никому сюда не входить. Сейчас же пошлите человека домой к предводителю дворянства. Разбудите его. Скажите – я послал и прошу его немедленно снарядить нарочного к графу Свиты Его Величества фон Крейнцу. Полицмейстеру. Слышали о таком? Пусть нарочный по пути заедет сюда, в гостиницу, я передам с ним полицмейстеру письмо. А теперь все вон отсюда.

Коридор освободить. Сидеть в людской. Не шляться по дворам. Языками не молоть. Сплетен не распускать.

Он плотно закрыл дверь и...

– Ключ-то в двери, Саша, – тихо молвил Клавдий Мамонтов. – Вроде как они заперлись здесь, а дверь-то сейчас открыта.

Он тихонько повернул ключ, замок клацнул, снова повернул, отпирая. Приоткрыл дверь и, наклонившись, начал осматривать замочную скважину снаружи. В свете сальных свечей, что горели в коридоре, видно было плохо, но он все же кое-что разглядел.

– Царапины вокруг скважины. Может, отмычку использовали или какой-то штырь как рычаг.

Затем он снова захлопнул дверь и закрыл ее на ключ.

Они заперлись с ЭТИМ внутри.

С тем, что предстало их взору и внушало ужас.

Рядом с разоренной кроватью на залитом кровью ковре лежала Меланья Скалинская. Обнаженная. Ее темные волосы разметались. В свете чадящих свечей ее тело отливало перламутром – полные руки, совершенная линия бедер. В свои последние мгновения она словно пыталась перевернуться на бок, чтобы поползти до кровати.

Клавдий Мамонтов отвел взгляд от ее искаженного мукой боли лица...

У нее была страшная рана на спине – между лопаток. И еще более ужасная рана спереди, которая начиналась от горла и захватывала верхнюю часть груди. А ладони сильно порезаны.

На кровати лежал крепостной лакей Макар. Тоже полностью обнаженный. Руки закинута к спинке кровати и привязаны к прутьям черными шелковыми лентами. Он был похож на античную статую – нет, не на прикованного Прометея, а на

связанного Вакха. Торс, точно изваянный из мрамора. Глаза закрыты. Выражение лица такое, словно он пытался сдержать свой последний крик. У него была лишь одна рана – в верхней части живота, там, где солнечное сплетение.

– Барыня и ее дворовый человек, крепостной, – тихо сказал Александр Пушкин-младший. – И в таком виде, который не оставляет сомнений о том, чем они занимались. Они убиты во время акта страсти. Она играла роль амазонки-наездницы, а он... Он, как видите, в путах любви. Кто-то вошел и стащил барыню на пол... Рубленые раны, Клавдий. Я такое на войне видел. Ее зарубили саблей. Она пыталась схватиться за клинок, поэтому и порезы на ладонях.

Он, стараясь не наступить на пропитанный кровью ковер, приблизился к кровати.

– Этот актер... или он ее лакей, или все вместе... он ее любовник. Даже смерть не отняла у него красоту. Я еще тогда заметил на музыкальном вечере – парень был слишком уж хорош для холопа. И метил явно выше. У нас бы в полку его оценили, да...

Клавдий Мамонтов вспомнил столичные сплетни о лейб-гвардии Конном полку, где офицеры – по общему признанию самые красивые мужчины двора и армии – одинаково ценили пыл стихов римского поэта Катулла и грезы и пристрастия «Пира Тримальхиона» Гая Петрония Арбитра.

– У него не рубленая рана, а колотая, – Пушкин-младший внимательно осмотрел рану. – Это тоже сабля. Но удар наносился сверху вниз. Вот так.

Он вскинул сомкнутые руки и резко опустил, словно вгоняя невидимый кол.

Мамонтов тоже подошел к кровати. Его внимание привлекли узлы на черных шелковых лентах.

– На его правой руке узел то ли ослаб, то ли... – присмотревшись, проговорил Клавдий. – Нет, он почти развязан. Саша, смотри – он пытался высвободиться. Развязать себя. Чтобы прийти ей на помощь. Но ему освободить даже одну руку не удалось.

- А как он мог это сделать? – разглядывая узел, спросил Пушкин-младший.

- Дергал, пытался вырваться.

- Тогда бы он затянул узел еще крепче. А здесь распутано, но не до конца.

Они переглянулись.

- Может, это Меланья его так небрежно привязала, – предположил Клавдий Мамонтов, – тоже часть любовной игры, чтобы он в какой-то момент мог сам освободиться из пут.

- Чувствуешь, как здесь холодно? – поежился Мамонтов.

- Да.

Пушкин-младший сосредоточенно смотрел на участок паркета возле столика, где стоял подсвечник. Мамонтов увидел это тоже – кровавый отпечаток.

- След сапога, – сказал он и отвернулся. – Саша, а на подоконнике кровь!

- Тот, кто их убил, должен сам весь в крови вымазаться, – Пушкин-младший подошел к окну. – Да, это, несомненно, кровь. А окно...

Он потянул на себя створки, и они легко распахнулись.

- Убийца ушел через окно, отсюда и кровь на подоконнике. Клавдий, мы сейчас оставим дверь запертой изнутри. А сами давай-ка пройдем тем же путем, что и убийца, – он нагнулся, поднял с пола одну из простыней и накрыл ею подоконник, словно хотел сохранить кровавые следы. – Снег все идет, и, возможно, все замело, но мы должны проверить.

Он забрался на подоконник и вылез из окна. Хотя это был и первый этаж, но флигель обладал высоким фундаментом, так что ему пришлось прыгать в снег. Клавдий Мамонтов последовал его примеру. Громоздкая шуба сковывала движения. Мамонтов снял ее и выбросил в окно, затем вылез сам. Напялил шубу снова.

Крепчающий ветер безжалостно ударил в лицо.

– У нас даже фонаря нет. В комнате лишь свечи, они бесполезны при таком ветре, – Мамонтов огляделся по сторонам, увидел над входом в людскую тусклый фонарь, подошел и сорвал его.

Пятно света выхватило цепочку следов на снегу – от окна через двор гостиницы в сугробы и...

– Это могут быть следы того мужика, трактирного слуги, – сказал Мамонтов, размахивая фонарем. – Но проверить все равно стоит.

Они, отворачиваясь от ледяного ветра, побрели по следу. Он вел не к площади, не к какому-то из строений трактира и гостиницы, а туда, где не было ни сараев, ни изб – ничего. Если во дворе цепочка следов еще как-то просматривалась, то чем дальше, тем сильнее снег заметал ее. Сугробы... И впереди сугробы... Но внезапно...

– Черт возьми, овраг! – Пушкин-младший не удержал равновесие и скатился на спине в этот самый овраг. – Клавдий, давай сюда. Здесь какие-то пятна на снегу, посвети мне!

Мамонтов тоже съехал в овраг, встал на ноги, вскинул фонарь, и в его свете они увидели на обледенелой кромке что-то черное.

– Кровь. Убийца дошел до оврага, возможно, упал, как и я. У него одежда в крови, и он здесь катался в снегу, пытаясь очиститься, снегом смыть эту кровь с себя... А где он выбрался? Куда направился?

Они пытались осмотреть склоны оврага. Однако снегу намело столько, что понять что-либо было уже невозможно.

– Когда их убили, как ты думаешь? – спросил Клавдий Мамонтов. – Они же наверняка кричали. Почему ни мы и никто в гостинице и в трактире их криков не слышали?

– Фейерверк. Помнишь, как гроыхало, полыхало? Тела еще не успели остыть. Часа не прошло с момента их смерти. И кровь не свернулась еще, – Пушкин-младший выбрался из оврага, наклонился и протянул руку Мамонтову, вытаскивая и его.

Они побрели уже наугад. Никаких следов. Все замело.

Снег, снег, снег...

Мамонтов поднял взор к небесам: мутно небо... ночь мутна... невидимкою луна освещает... страшно, страшно поневоле среди неведомых... в беспредельной вышине... надрывая сердце мне...

Он дотронулся до лица, стирая с него пот и талый снег.

Ничего, кроме снега и тьмы. И вроде как бескрайнее заснеженное поле. Как они здесь очутились в одночасье? Неужели заблудились?

Но, оглянувшись, он увидел на фоне мутного неба темную громаду. Это была колокольня собора Михаила Архангела. Выходит, они отошли совсем недалеко от гостиницы.

– Все, здесь мы больше ничего не найдем, – сказал Пушкин-младший, отворачиваясь от ветра. – Пошли назад – мне надо собрать солдат пожарной команды. Прочесать здесь все с фонарями и факелами.

– А в полковые казармы пойдём?

– С казармами и офицерами мы пока погодим, Клавдий.

И Мамонтов покорно кивнул.

Сабля... те страшные сабельные удары...

Он вспомнил музыкальный вечер в Москве. Меланья с ее виолончелью. Макар – ее крепостной актер в образе Вакха с тирсом, читающий стихи. И другие крепостные актеры в своих париках и масках. Тогда это все казалось нелепым и

забавным. А сейчас откровенно пугало.

Глава 9

Его последний день

Макар проявил редкий такт и сопровождал их лично до кабинета покойного отца, где экономка и бывший секретарь Лариса Сулова разбирала архив и бумаги. Макар зашел в кабинет первым, чтобы сообщить ей о приезде «детективов из страхового фонда». Катя и Мамонтов ждали всего минуты три, затем он пригласил их в кабинет, объявив, что немедленно переговорит со всеми домашними, чтобы они старались помочь представителям фонда всем чем могут.

Кате такая открытость показалась вещью странной. Обычно в любом расследовании сталкиваешься с препятствиями и нежеланием людей общаться и что-то рассказывать. А здесь вдруг все как по маслу с первых минут. Она подумала – где-то их ждет грандиозный подвох. Но пока нет возможности даже подготовиться к нему. Еще она заметила то, как именно экономка Лариса Сулова смотрит на Макара. Когда он покидал кабинет, она проводила его долгим взглядом. И что там крылось в этом взгляде – бог весть. Катя пока не могла все скрытое расшифровать.

Почти сразу в дверь буквально ввинтился тот сморщенный суетливый человечек – Тутуев, бывший ахтырский губернатор.

– А чего они? Ларис, чего они? Зачем? – спросил он тревожно. – Имущество приехали описывать?

– Эдик, никто ничего описывать не будет, – мягко проговорила Лариса. – Сотрудники фонда просто побеседуют со всеми нами. И с тобой тоже. Ты поди пока, не мешай нам. До тебя очередь дойдет.

– Про памятник станут спрашивать? А, Лар? Они про памятник опять?

– Нет, нет, успокойся. Это про Савву.

– А чего о нем спрашивать, раз он... У нас ведь таких даже на кладбище не хоронят рядом со всеми. Он мне сам это говорил тогда. Пугал меня этим. А сам взял и... Как ты только попа уломала, чтобы его все же в церкви отпели?

Катя глянула на Мамонтова. Он внимательно слушал этот странный и многозначительный диалог. А Лариса Сулова нетерпеливо махнула Тутуеву – уходи, умолкни.

Лариса Сулова выглядела на свои шестьдесят четыре года и не молодилась – сухощавая, с короткой стрижкой седых волос. Это была энергичная женщина, этакий типичный управленец. Ее можно было представить в строгом костюме в залах и кабинетах департамента, который возглавлял Савва Псалтырников, среди помощников, референтов и секретарей. Но в домашней обстановке все выглядело по-иному – кремовые мятые брюки, синий кардиган крупной вязки. Очки, поднятые на темя. Катя отметила, что Сулова разговаривает с пятидесятилетним бывшим губернатором мягко и терпеливо, словно с малым ребенком.

– Что вас интересует? – спросила она, когда Тутуев ушел.

– Полиция обнаружила яд, – Катя решила сразу идти напролом. – У них несколько версий происшедшего. Наш фонд в первую очередь интересует, имеются ли или нет признаки суицида. Фонд и ваш патрон были связаны на этот счет договором. Страховка такой исход событий не покрывает. Мы сейчас разговаривали с сыном покойного Макаром и его женой. Она прямо сказала нам, что Савва Стальевич был убит.

– Это ее право так говорить. Страховая сумма же к Макару переходит.

– А вы что нам скажете, Лариса...

– Ильинична, – Сулова назвала свое отчество. – Я скажу, что я не знаю. Для меня было шоком заявление полиции о том, что обнаружены следы яда. Правда, Савва Стальевич действительно себя скверно чувствовал в тот вечер. Его даже вырвало. Но мы все решили, что это просто кишечное расстройство. Мы все грешили на торт.

- На какой торт?

- Привезли из ресторана Олимпийского комплекса. Большой именинный торт. Это же был день рождения Макара. Савва Стальевич сам торт заказывал.

- Он его ел?

- Конечно. Я сказала полицейским. Они забрали остатки торта - все, что хранилось в холодильнике.

- Значит, ему стало плохо уже вечером? - уточнил Клавдий Мамонтов.

- Да, и я его хотела повезти утром в нашу клинику, к которой он прикреплен. Это правительственная клиника. Я хотела, чтобы он прошел обследование. И Савва Стальевич согласился, но как-то вяло.

- А в каком он был настроении в тот день? - спросила Катя.

- Сначала очень возбужден, обрадован - это же день рождения сына. А они четыре года не виделись. Макар ведь из Лондона не приезжал. И внучки не приезжали. Савва с ними только по скайпу общался... Он в Лондон не мог ехать, ему же запрещен теперь въезд почти во все европейские страны. Санкции эти... Савва Стальевич очень скучал по внучкам и особенно по сыну. Он был на седьмом небе, когда тот приехал. И этот день рождения для Саввы стал настоящим праздником, ну а потом... потом он очень расстроился.

- Из-за чего? - спросила Катя.

- Я не знаю.

- Он вам не сказал?

- Нет.

- Но вы же работали с ним, и вы жили здесь, в доме, помогали и... он же вдовец? - Катя осторожно закинула первую удочку.

– У нас никогда не было интимных отношений. Если вы на это намекаете, – раздраженно ответила Лариса. – Да, мы были друзья. Да, я всегда считала себя его верным соратником и даже в департаменте работала не на департамент, а на него лично. Но мы не спали.

– Извините, я не имела это в виду. Я просто хотела спросить – не поделился ли он с вами, как со старым другом, причиной своего внезапного расстройства?

– Нет, не поделился. Все, что касалось его и Макара, было очень личным.

– А расстроился Савва Стальевич из-за чего-то, что касалось его сына?

– Да. У них был разговор сразу после именинного обеда. После этого Савва стал сам не свой. Я его никогда таким не видела. Он словно рану получил смертельную. Словно разом все рухнуло. Весь мир. Он так не реагировал, даже когда приказ получил об увольнении. Он тогда держался. А тут разом как-то потух, погас.

– Мы невольно слышали, что сказал вам Тутуев, – вмешался Мамонтов. – Такой недвусмысленный намек на его самоубийство.

Лариса молчала, поджав тонкие губы.

– А Меланья сказала нам, что Савва Стальевич не мог покончить с собой, потому что был очень религиозен, – продолжила Катя.

– Он Богу иногда молился. У него жена тридцать лет была сумасшедшей – последствия родовой горячки. Поживите с безумцем, все молитвы наизусть выучите. И потом это было в тренде общегосударственном – религия как скрепа, он это поддерживал, одобрял как госслужащий. Однако...

– Что?

– Если бы ему пришлось выбирать между Богом и Макаром, то Бога он просто бы отодвинул в сторону. Знаете, как иконы поворачивают лицом к стене. Так и он.

– Вы думаете, что Савва Стальевич мог покончить с собой? Сам принять яд, потому что был чем-то сильно расстроен? – прямо спросила Катя.

– Он был раздавлен. Что попусту говорить – вы сами можете убедиться в том, в каком он был тогда состоянии. У меня видео есть. Мы часто снимали раньше, когда он еще работал. Для личного архива. И до сих пор эта привычка сохранилась даже дома.

– Видео того самого именинного обеда? – Катя не верила в такую удачу.

– Нет. Во время обеда все сидели и ели. Провозглашали тосты. Ну а потом, уже позднее... он захотел, чтобы мы сыграли эту пьесу. Взгляните сами, как это было, – она перевела взгляд на массивный, роскошного красного дерева письменный стол Псалтырникова. – Ох, ноутбука нет... Но я сейчас его принесу, я туда закачала. Видно, Макар забрал. Тоже смотрит ту нашу последнюю запись. Подождите меня здесь.

Она медленно пошла к двери и покинула кабинет.

– Эта дама в убийство не очень-то верит, в отличие от красавчика-сына Псалтырникова и его невестки-барыни, – шепнул Мамонтов Кате. – А нехилый кабинет, помпезный, – Клавдий оглядывал дубовые стеллажи, уставленные книгами в золотых корешках. – И, кстати, икон здесь у него нет.

Катя тоже огляделась, потом подошла к большому окну.

Взору ее предстала лужайка, усыпанная палой октябрьской листвой. Пристройка со стеклянными дверями – спортзал. Дверь распахнута настежь. Две старые липы. А между ними самый обычный турник – из тех, что ставят на дачах. И на этом турнике энергично подтягивался какой-то мужчина, полуобнаженный, несмотря на прохладную осеннюю погоду.

Катя смотрела, как он подтягивается – легко, мощно, без усилий. На двух руках, затем то на левой, то на правой. Его спина бугрилась мышцами, они перекатывались под кожей. Брюки цвета хаки сидели низко на бедрах и открывали взору два хирургических шрама в области позвоночника. Словно белые резкие прочерки на спине. Мужчина подтягивался и подтягивался. Во всех его движениях ощущалась такая неспешность, такая сила и ловкость, что Катя

невольно загляделась на этого атлета.

Он спрыгнул, повернулся. Это был крупный зрелый мужчина за пятьдесят – широкоплечий, высокий, стройный, весь такой накачанный и подтянутый. На его лице – черная повязка, закрывавшая левый глаз. Такие в фильмах носят пираты. Через минуту он уже отжимался на земле. Сначала на кулаках, затем на пальцах. И это опять выходило у него так, словно давно вошло в привычку. Встал, выпрямился, потянулся всем телом. Он заметил Катю и то, что она смотрит на него через окно. Нагнулся, поднял с травы черную толстовку. Он не торопился одеваться, так и стоял обдуваемый холодным ветром. Видно, размышлял – что это за новая персона в кабинете Псалтырникова? Откуда? Кто такая?

Суслова вошла с ноутбуком. Тоже глянула в окно. Мужчина увидел ее, надел через голову черную толстовку, натянул капюшон и двинулся в сторону спортзала. И тут Катя поняла, что с этим атлетом не так. Он хромал и сильно приволакивал ногу. И было ясно, что дело не только в травме ноги, но и в травме позвоночника.

– Кто это, Лариса Ильинична? – спросила Катя.

– Это Иван Аркадьевич Дроздов.

Кате ответила не экономка, а Мамонтов. А потом он сам спросил Ларису Суслову:

– Это он после той дуэли такой?

Суслова посмотрела на него.

– Знаете про дуэль?

– В школе карате Оямы слухи разносятся со скоростью света. У него ведь четвертый дан. Он мастер.

– Не дуэль это была, а убийство, садизм, – Лариса Суслова нахмурилась. – Они его убить хотели, какая же это дуэль, когда один против целой банды подонков? Три операции потом перенес. Последнюю на позвоночнике ему в Израиле

делали. Савва это оплатил. Мы вообще не знали, останется ли он жив после таких травм. А он через полтора года поднялся. Восстановился. Ну, как уж смог.

- Да, я об этом тоже слышал в школе Оямы, - кивнул Клавдий Мамонтов. - При таких травмах работать телохранителем трудно.

- Здесь, в Бронницах, на пенсии от кого было Савву охранять? От самого себя? - Лариса Сулова вздохнула. - А вы осведомленный молодой человек, как я погляжу.

- Ну, в определенных кругах личность Дроздова очень известна.

- Он на Савву работал здесь, как прежде. И мы на него всегда во всем полагались. Циклоп, он...

- Кто? - спросила Катя.

- Домашнее прозвище такое, - Сулова указала на глаз. - Он не обижается. Он мужик железный. И с юмором у него все в порядке, несмотря на то, что он тот свет успел повидать.

Катя из всего этого разговора поняла пока мало. И решила, что потом уточнит все у Мамонтова.

Сулова включила ноутбук.

Видео. За рояль в гостиной усаживается она, Лариса Сулова. Раскрывает ноты. Рядом с роялем на стуле с виолончелью в руках сидит грузный мужчина, седой, одутловатый. Катя поняла, что это Савва Псалтырников. Она пыталась вспомнить его по телерепортажам. Но нет... Видимо, придется довольствоваться этой последней записью. Мужчина настраивал виолончель, водя смычком по струнам.

- Он играл? - удивилась Катя.

- Очень хорошо. Научился этому еще студентом. Вы думаете, наверное, что все чиновники - болваны, - Сулова усмехнулась, - необразованные, закостенелые

тупицы – федералы, так ведь? А он музыку любил. Всегда, когда на душе у него было радостно или плохо, брал виолончель, и я ему аккомпанировала. Ну, вот смотрите, как он играет в этот свой последний день. Какой он.

Они заиграли сарабанду Генделя. Величественная и мрачная мелодия заполнила кабинет. Катя смотрела на экран. Сулова играла по нотам, а Савва Псалтырников – наизусть. Его тусклый взгляд был устремлен в пустоту. А на лице застыла странная гримаса – какое-то мрачное недоумение. Растерянность... опустошенность... боль...

Внезапно к Ларисе там, на записи, подошел Макар. Он не сел за рояль, но подстроился, начал играть с Суловой в четыре руки, аккомпанируя отцу и одновременно импровизируя – как это делают в джазе. И в звуки торжественной мрачной сарабанды вплетались новые вариации – быстрые, причудливые, искусные и одновременно такие чужеродные для этой простой трагической музыки.

– Макар – пианист? – спросил Мамонтов.

– Когда в Харроу в Англии учился, играл в оркестре. Англичане много внимания уделяют музыкальному образованию, не только крикету и регби. И в Кембридже тоже играл в оркестре и соло, – ответила Сулова. – Он играет джаз в основном, любит модные приколы, как сейчас молодые говорят. Но с отцом они так впервые музицировали.

Видео закончилось.

– Красноречивее любых слов, – Сулова смотрела в ноутбук. – Теперь знаете, в каком он был состоянии перед смертью.

И в этот миг началось новое видео. Замелькали фигуры – вечеринка, смех, говор...

– Вот же они... то есть вы все, домашний банкет, – быстро среагировал Мамонтов.

– Это было три недели назад. Как раз Макар с Меланьей только прилетели из Лондона.

– Можно нам взглянуть?

– Это частная запись, домашняя, – заволновалась Лариса, но под взглядом Клавдия осеклась, – хотя... ладно, смотрите. Макар распорядился показать вам все, что попросите.

Глава 10

Русский Тримальхион, или Это вам не Лондон

Три недели назад. Домашнее видео

– Что ты на меня так смотришь, Филин Ярославич?

– Давно не виделись.

На видеозаписи – терраса-гостиная с панорамными окнами, дубовыми панелями и стенами из красного кирпича, освещенная хрустальной люстрой. За окнами тьма, глубокая ночь. Ясно, что недавно кончилось застолье с обильными возлияниями, и все гости и домашние с бокалами перекочевали сюда, на кожаные диваны и кресла к пылающему камину.

Меланья в золотистом вечернем платье, открывающем спину и плечи, обращалась к сидевшему рядом с ней на диване нахохлившемуся господину (встретившему Катю и Мамонтова столь неласково) – Ярославу Лишаеву, именуя его Филин Ярославич.

(Катя, внимательно следящая за видео, отметила, что это, вероятно, очередное домашнее прозвище, и оно удивительным образом идет Лишаеву. Тот точно походил на филина, разбуженного среди дня – бровки суровые вразлет и голова-

шарик.)

Филин Ярославич щеголял мешковатым смокингом, нелепым на его квадратной фигуре. На запястье – дорогие часы. Круглое лицо его под взглядом Меланьи полыхало багровым румянцем. Кроме него смокинг в этой компании носил лишь Макар – и тот сидел идеально на его стройной фигуре. Макар как раз под шумные крики одобрения садился к роялю, стоявшему у панорамного окна.

Заиграл в бешеном залихватском темпе шотландскую застольную Бетховена – «Постой, выпьем в дорогу еще!» И запел – он обладал приличным баритоном – в оригинале на английском «Let us have one bottle more!».

Савва Стальевич Псалтырников – красный от вина, радостный как дитя, взволнованный (Катя поразились контрасту с первым видео) не сводил с сына глаз. Во взоре – обожание, в улыбке – счастье, восторг. Макар играл и пел страстно, голубые глаза его сверкали, светлые волосы растрепались и упали на лоб. (Именно он в первые минуты полностью приковал к себе Катину внимание. И она поняла, что в доме Псалтырникова музыка – неотъемлемая часть жизни. И более того – почти у каждого действующего лица здесь словно бы своя музыкальная тема.)

На Макара были обращены взоры всех. Лишь один человек не смотрел, как он играет, – тот самый Дроздов Иван Аркадьевич. Он сидел в кресле у камина и вертел в руках кофейную чашку.

«Дуэлянт... – подумала Катя. – Ну, надо же...»

Черная пиратская повязка на глазу.

Дуэлянт...

Он вскинул голову и посмотрел на ту, что сидела напротив него – девушку лет двадцати восьми в «маленьком черном платье» и балетках. Шатенка с волосами до плеч и атласной челкой, что так любят в Париже. Личико миловидное, озорное, юное, яркие губы. Она допила то, что было в ее бокале, и позвенела кубиками льда в такт «Застольной». А потом громко захлопала Макару, подняв тоненькие, как прутики, руки над головой.

– Класс! Просто чудо! – голос ее был словно колокольчик. – Макар, ты в Англии концертами сможешь зарабатывать, если вдруг все счета заморозят, а деньги конфискуют.

– Гала, не вредничай, – усмехнулась Меланья, поправляя в ухе модную моносерьгу с крупной жемчужиной барокко. – В Лондоне мы всегда найдем чем заняться, правда, Макар?

– Да, дорогая, – ответил Макар жене, вставая из-за рояля и кланяясь. – В Лондоне мы дома.

– Да достали уже с этим Лондоном, – сварливо оборвал его Лишаев. – Достала эта твоя Англия. Ну был я там. Ну и что? И что там такого?

В этот момент на террасу вошли еще двое – невзрачная блондинка в форменном платье горничной и крепкий мужчина в толстовке (Катя с удивлением узнала в нем того лысого молодца с византийским пламенным взором, которого видела утром у магазина). Они вкатили два столика на колесах – один с напитками, бутылками и графинами, второй с кофейником, вазами с пирожными и чашками. Лысый мужчина помог горничной и сел с чашкой и тарелкой в кресло в углу.

(– Это помощник по хозяйству Кузьма Поцелуев, – шепнул Мамонтов Кате.)

Горничная осталась хлопотать, угощая всю подвыпившую компанию.

– Ну и что такого в этой твоей Англии, а? – с пьяной настойчивостью допытывался Лишаев у Макара.

– Там воздух чище. Легче дышать, Филин. Здесь уже кислород перекрывают, – ответил тот.

– А это не тебе судить. Ты сам как перекасти-поле. Все там, да? И бизнес, и дом в Девоншире. Ну и что? И что ты с этого имеешь, Макар? Ну поешь ты классно, и все по-английски. И манеры у тебя как у денди. Только за песни твои и даже с деньгами твоими не пустят тебя в Букингемский дворец на прием к королеве. Сидите вы в своем Девоншире, и никому-то вы не нужны. Никто вас не любит в этой Англии. Никто не принимает. Не приглашает. В смысле англичан – тех, кто

ровня, если по деньгам-то. Не уважают они вас. А все почему? Потому что у папы твоего – санкции. «Пожизненный ЭЦИХ с гвоздями»[5 - «Пожизненный ЭЦИХ с гвоздями» – цитата из художественного фильма Г. Данелии «Кин-дза-дза».]

– Филин, следи за языком! – громко приказал Псалтырников.

– Ну, «ЭЦИХ без гвоздей», Савва Стальевич, – Лишаев усмехнулся. – Но это же правда святая.

– Так я Макара и прошу, возвращайся сюда, – Псалтырников пристально посмотрел на сына. – Раз все так вышло, что теперь там-то? И внучки родины не знают... Я с ними по скайпу общаюсь, а младшенькая совсем по-русски не разговаривает, только по-английски. Это со мной-то, с дедом! Переводчика, что ли, нанимать? Вы уехали, а они там совсем как англичане растут – нянька английская, дворецкий тоже.

– Дворецкий – филиппинец, Савва Стальевич, – усмехнулась Меланья свекру. – Говорить по-русски мы девочек учим. Насчет дошкольного образования – все превосходно, это система Монтессори. Я рассказывала вам.

– Да я здесь им сто учителей любых найму, – горячо воскликнул Псалтырников. – Только привезите их сюда. И что они... что вы все там забыли в этой Англии? Разве здесь – не наше все? Макар, а? Где родился, там и пригодился. А ведь там нет такого, как здесь, у нас.

– Папа, чего там нет? – Макар налил себе бренди.

– Шири... размаха... души... Видел, какое озеро здесь? Это ведь Родина наша. Ты родился на этом озере.

– Да, папа, озеро очень красиво.

– И это... я говорю, удали, духа такого нет...

– Духа? Духа чего, папа?

– А вот этого самого, – Псалтырников потряс ладонями с растопыренными пальцами. – Как мы можем, ну не могут они! Эти англичане!

– Чего не могут-то, Савва? – спросил тревожно молчавший до сих пор бывший ахтырский губернатор Тутуев, притаившийся в глубине кожаного кресла в стиле «честерфилд».

– А вот взять и послать все к чертям! – Псалтырников вскочил. – Или показать себя мужиком настоящим. Это словами не объяснишь. Господи, Иван, ну что ты молчишь, да покажи ты ему! Покажи ты ему сам, как умеешь – покажи, что это вам не Лондон!

Иван Аркадьевич Дроздов поднялся с кресла.

– Савва, а не будет все выглядеть смешно или неуместно? – спросил он.

– Нет! Мальчишка мой хоть печенкой, может, прочувствует, что значит быть здесь, дома... что мы... Что мы все есть такое! Что мы не они, не эти англичане! – пьяный Псалтырников путался в словах.

– А, как в старые времена, – засмеялся Макар. – Good old days! Иван Аркадьевич, помнишь, как ты меня ножи метать учил? Ладно, покажите мне свои локальные фокусы.

Псалтырников кивнул Тутуеву, и бывший губернатор вывинтился из кресла, суетливо побежал куда-то и через пару минут появился с кожаным футляром в руках.

Кате, следившей за этой сценой на видео, померещилось, что там дуэльные пистолеты! Но в футляре, когда его открыли, оказались охотничьи ножи (видно, из того самого арсенала, что впоследствии изъяла полиция).

– Папа, что там у тебя за мазня? – Макар указал на картину, висевшую на дубовой панели в золотой помпезной раме. – Никас, который Сафронов? В Лондоне он никому на фиг не нужен. Приколите его! Ножичками, прямо по мазкам. Или жалко мазню, деньги уплачены?

– Для тебя ничего не жалко, – Псалтырников совсем разошелся. – Иван, слышал? Жертвуем картиной.

Дроздов, хромя, подошел к ящику с охотничьими финками. Теперь все взоры были устремлены на него. И Макару это явно не пришлось по вкусу.

– Как в старые добрые времена, Иван Аркадьевич? И плевать, что телега жизни проехала не одним, а всеми четырьмя колесами?

Иван Аркадьевич Дроздов по прозвищу Циклоп кивнул.

– Как в старые добрые, Макар. А ты в Лондоне повзрослел. И похорошел. И стал такой добрый, – он взял одну финку, отошел на большое расстояние от картины.

Макар достал свой мобильный телефон, пролистал плей-лист, выбрал что-то и включил. Марш – гулкая медь фанфар, затем почти вальсовые ноты и снова мощный пряный страстный басовый хор духовых.

– Персональный саундтрек для тебя выбрал – Дроздовский марш, белая гвардия. Если сходить с ума по-русски, так с музыкой.

– Да, Макар. Спасибо, – поблагодарил его Дроздов.

Дроздовский марш...

– Э, так не пойдет! – взвился вдруг Псалтырников. – Ты же трезвый. А кто на трезвую голову такое? Скажут, не русские мы. Сначала надо выпить, а потом уж и на подвиги ратные.

– Только не заставляйте его пить, пожалуйста! – послышался встревоженный женский голос.

Катя узнала голос Ларисы Сусловой – ее не было видно на видео, потому что именно она держала камеру.

– Царица Савская снова всем недовольна, – Псалтырников подбоченился. – Ну что тебе еще?

- Не заставляйте его пить! После таких операций!

- Да он здоровый как медведь опять.

- Лара, все хорошо, - успокоил Суслову Дроздов. - Мне все уже можно.

Хромая и приволакивая ногу, он подошел к столику с бутылками. Взял массивный хрустальный графин с водкой и поставил его на каминную полку. А затем...

Резкий рубящий жест - наискось и сверху вниз. Не потребовалось ни стойки каратиста, ни примерки, ни разминки - быстрый короткий мощный удар ребром ладони и...

Хрустальное горлышко графина отлетело, ударилось об стену. Дроздов отрубил его голой рукой.

Все сначала выдохнули, потом заорали, засвистели от восторга.

- Ну, видел? Могут они так, эти англичане? - громко вопрошал Псалтырников сына.

Дроздов взял обезглавленный графин и налил себе водки - полный фужер для шампанского. Выпил. Налил второй - графин опустел. Он выпил все до капли.

- Вода. Или суррогат.

Он произнес это непередаваемым тоном.

Все захохотали.

На нем такое количество выпитого никак не отразилось. (Кате так показалось. С замиранием сердца она ждала, что будет дальше.)

- Жертвуем картиной, значит? - спросил Дроздов, чуть охрипнув.

– Нет, – со своего места поднялась та девушка в «маленьком черном платье», заскользила, как фея, к дубовой панели и начала снимать картину с гвоздя.

– Не так, – она сняла картину и бросила ее на пол. – А вот так.

Перешагнув через картину, она подошла к панели, вытянула свою тонкую белую руку и приложила ладонь к дубовой поверхности, растопырив пальчики.

– Гала, не надо, – Дроздов покачал головой.

– А я хочу так. Покажем ему класс, а?

Дроздов молчал, глядя на нее. Черная повязка на выбитом глазу, черты лица ничего не выражают...

– Я с тобой ничего не боюсь, – Гала улыбнулась ему. – Ты не промахнешься.

Она стояла, прижав ладонь к дубовой панели. Улыбалась бесстрашно и дерзко.

Дроздов отошел еще дальше. Финка была в его руке, и Катя снова не уловила это движение – как он бросил нож.

Нож с силой вонзился в дубовую панель в зазор между большим и указательным пальцами Галы. Она не дрогнула.

Второй нож, пущенный с такой же силой, поразил зазор между мизинцем и безымянным пальцем. Третий нож, брошенный им, глубоко вошел в дерево между указательным и средним пальцами. Маленькая ручка Галы выглядела словно пришпиленной к дереву, однако ни раны, ни царапины. Дроздов ее не задел.

Остался самый узкий зазор между безымянным и средним пальцами. (Катя подумала – невероятно попасть ножом при метании с такого расстояния в такую щелку!)

Дроздов примерился. Его лицо было сосредоточенным и спокойным.

Бросок!

Нож вонзился точно в цель!

Все заорали как сумасшедшие.

– Да! Это вам не Лондон! – громче всех кричал нервный бывший ахтырский губернатор Тутуев. – Циклоп, радость моя, ну ты даешь!

Гала отняла руку от панели. Ножи так и остались в дереве. Дроздов подошел к ней. Взял ее за руку, осмотрел. Ее тоненькая фигурка выглядела такой хрупкой, воздушной на фоне его мощного торса и широких плеч. Он был в белой рубашке, без пиджака и галстука.

– Не Лондон, не Лондон, – вторил Тутуеву Псалтырников. – Вот, сынок, как мы... а они... ну что там они тебе могут дать, показать?

– У них уже цирки не в моде, папа, – Макар смотрел на Дроздова. – Но, конечно, все это было здорово. Иван Аркадьевич, я впечатлен.

– Рад, что мы тебя позабавили, – ответил Дроздов.

Он сделал шаг, но, видно, выпитая в таком количестве водка и травмы все же дали себя знать. Его сильно повело в сторону.

– Помочь, Иван Аркадьевич? – спросил Макар. – Сам до кресла дойдешь?

– Обойдусь без тебя.

Дроздов выпрямился.

А затем...

Он со всей силы ударил кулаком по кирпичной стене. Стена оказалась в три кирпича толщиной – но его кулак пробил ее насквозь.

Обломки кирпичей посыпались на пол.

Лариса Сулова (невидимка с камерой) испуганно вскрикнула.

Савва Стальевич Псалтырников захохотал:

- Каменщика и маляра звать придется! Иван, зачем же стены крушить?

Дроздов, хромя и приволакивая ногу, направился к дверям. Он покидал арену домашнего Колизея.

Гала догнала его и бережно взяла за руку. Он остановился, а она молча осматривала его широкую кисть – не поранился ли. Как оглядывал он ее хрупкие пальцы всего пять минут назад.

Глава 11

Циклоп

- Довольно опасный трюк они показали, – резюмировал Клавдий Мамонтов, остановив видео.

Катя, захваченная зрелищем, вообще забыла, что Мамонтов смотрит видео вместе с ней. И что в кабинете еще присутствует Лариса Сулова – как выяснилось, по домашнему прозвищу Царица Савская.

- Это была шутка. Савва Стальевич обрадовался приезду Макара. Ну, выпил лишнего, – Сулова среагировала на замечание весьма сухо.

Катя подумала – все это, конечно, подглядывание. Они словно подглядели сцену из жизни обитателей этого дома. Двойственное впечатление от увиденного. У нее крепла уверенность, что в этой яркой безбашенной сцене кроется нечто чрезвычайно важное для последующей интерпретации всех событий и фактов, даже тех, которые они пока не узнали.

– А Лишаев Ярослав, он, выходит, здесь уже давно – три недели? – Мамонтов кивнул на ноутбук.

– У него были дела с Саввой. Бизнес. Точнее, долги, кредиты. Ну и потом...

– Что?

– Она же приехала. Меланья, – Царица Савская поджала тонкие губы. – У каждого свой интерес или магнит. Так с кем хотите побеседовать еще? Кого вызвать?

– Мы пока прогуляемся до конюшни, – произнес Мамонтов. – Поговорим с работником.

– С Кузьмой? Хорошо, – Царица Савская внимательно смотрела на них.

– А затем с вашей помощницей по хозяйству. Она ведь и горничная, и повар здесь у вас?

– Она делает всю работу, справляется. Здесь не Барвиха, нам не нужно много услуги.

«В общем-то, правильный ход, – думала Катя, не перечая плану Мамонтова. – В делах об отравлении всегда начинают с допроса обслуживающего персонала. Только услуга Псалтырникова – часть этого дома и, кажется, часть семьи, судя по видео».

Они с Клавдием покинули кабинет, прошли через ту самую гостиную-террасу. В кирпичной стене гордо зияла дыра, пробитая железным кулаком дуэлянта, – ее так и не заделали.

Выйдя на веранду, они спустились по ступеням и медленно побрели по дорожке, усыпанной палыми листьями.

Катя оглянулась. На веранду следом за ними вышел Макар. Катя увидела, что он смотрит на нее. Наклонил голову набок, оглядывает ее всю, от макушки до пяток. Словно оценивает...

Макар улыбнулся – и Кате стало совсем неловко.

– Клавдий, – торопливо обратилась она к напарнику, – напишите в мессенджер майору Скворцову, спросите – что там конкретно эксперты сказали по поводу изъятых остатков торта? И нам надо с вами подробно изучить заключение судебно-медицинской экспертизы по Псалтырникову. Пусть майор все это вечером для нас подготовит.

Клавдий Мамонтов достал мобильный, открыл мессенджер и отбил сообщение.

– Расскажите мне про Дроздова, – попросила Катя. – Он вам, оказывается, знаком. Эта школа карате... я забыла название...

– Школа Кекусинкай, школа Оямы, – охотно откликнулся Мамонтов. – Я там лишь скромный ученик, Катя. У Дроздова же четвертый дан. Он великий мастер тамэшивари – искусство разбивания твердых предметов. И не только рукой, но и локтем, ногой. Хотя это ему, наверное, уже трудно сейчас.

– А что с дуэлью? Расскажите, что знаете.

– Лишь слухи из этой школы карате. Ну и так, общая информация. Дроздов профи. Работал в ГУО – Главном управлении охраны, затем в ФСО. У Псалтырникова он много лет – личный телохранитель. Псалтырникову полагалось такое по его должности. Дроздов был легендой в ФСО. Отличался всегда редкой невозмутимостью, абсолютным бесстрашием, фатализмом и черным юмором. Знаменитая фраза: «Клиент прав, пока жив», говорят, ему принадлежит. Даже лекции читал на семинарах для секьюрити частных структур. А потом все резко вдруг изменилось. Когда Псалтырникова с позором выгнали со службы, Дроздов встал перед дилеммой – оставаться ли в системе или продолжать служить опальному патрону. И он выбрал второе. А системе это не понравилось. Там такого не прощают – пошел против правил. И его начали беспощадно травить. Дело дошло до личных оскорблений. Говорят, он был с дамой в Большом театре, когда это произошло. Когда они явились коллективно показывать ему, где раки зимуют.

– Кто явился?

– Его бывшие коллеги. Нет ничего хуже, когда бывшие приятели и соратники предадут. Они его оскорбили публично там, в театре. А он потребовал сатисфакции. Он ее получил. Только опять же были некоторые нюансы. С его подготовкой, с его силой он бы справился и с тремя, и с четырьмя, но они просто удвоили число со своей стороны. Там такие волки, Катя. Они проигрывать не любят. И кто вообще сказал, что они согласятся на честную дуэль? Есть предел человеческим возможностям, они его победили не умением, а числом нападавших. Говорят, это был жестокий поединок. И многие из тех поединщиков теперь не у дел, живут на лекарствах. Но и Дроздов поплатился. Могли, конечно, его вообще убить, но за такое бы по головке не погладили, посадили бы даже. Поэтому не убили. Посчитали, что ему и так по гроб жизни хватит – инвалидное кресло и все такое. А он как Феникс из пепла... С его-то волей к жизни.

– Приедем в отдел, напишем рапорт, – зло бросила Катя. – Что нам в ходе операции под прикрытием стали известны факты зверского нападения и причинения тяжких телесных повреждений, которые остались безнаказанными. Дело по нашему рапорту будут вынуждены возбудить уголовное.

– Хотите заступиться за дуэлянта? – прищурился Мамонтов.

– Я лишь хочу справедливости для него.

– Только вот он ее не хочет и не принимает. За все эти годы – с его стороны никаких имен, никаких фамилий. А ведь Дроздов знает, кто они. Вы напишете рапорт, дело возбудят, а он заявит, что разбился на машине, отсюда и травмы.

– Но, Клавдий... – в растерянности проговорила Катя.

– Есть вещи, в которые не следует вмешиваться. Это был его личный выбор. Эта дуэль. Обсмеять можно все что угодно. В наше время в социальных сетях изгаляются даже над тем, что человек попытался защитить свою честь и свое доброе имя. Такие нравы в нашем бедном Отечестве, таково состояние умов. Но если ты, как наш Циклоп, с юности ушиблен кодексом Бусидо, то идешь против течения. Один против всех. Они ведь считают себя закрытым клубом – все внутри, никакой сор не выносится наружу. Даже кровавые разборки. И там не ябеды, которые – «прибежали в избу дети на дебаты». Или в прокуратуру катать жалобу. Они разбираются со всеми вопросами сами. В стороне от любопытных глаз, от прессы. Но молва и их не обходит стороной.

– Его искалечили, а вы так спокойно обо всем этом рассуждаете.

– За честь порой платят жизнью, не только здоровьем.

Катя не нашла что возразить.

– Дама, с которой он был тогда в Большом театре, – сказала она после паузы, – это, наверное, Лариса Сулова. Она так резко отреагировала на мой намек насчет Псалтырникова. Значит, у нее с ним ничего не было. А связь экономка – охранник обычна, что-то вроде традиции в богатых домах. И Сулова явно переживает за него, заботится, судя по видео.

– Дроздов ее моложе лет на двенадцать. Но, возможно, вы правы, хотя...

Катя снова вспомнила видео. Да, там много вопросов возникло сразу.

За деревьями показалось приземистое кирпичное здание конюшни. Падок, небольшой загон. В падоке была привязана гнедая лошадь в попоне. Около нее суетились двое. И Катя этих двоих сразу узнала.

Глава 12

«Вот Вакх! Державный тирс в его руках...»

9 февраля 1861 г. 7 часов вечера

Гостиница-трактир Ионы Крауха

Солдаты пожарной команды с факелами и фонарями по приказу Александра Пушкина-младшего еще раз прошли тем же самым путем – от гостиницы до оврага и, увязая в снегу, обыскали его окрестности. Но помогло это мало. Под утро ветер лишь окреп, вьюга снова превратилась в настоящий буран, и поиски пришлось прекратить. У самого трактира солдаты пожарной команды нашли в

сугробе овчинный тулуп и золотую маску сатира. Но так и осталось непонятным – потерял ли свой реквизит кто-то из крепостных актеров либо маской воспользовался неизвестный убийца, чтобы остаться незамеченным.

В пять утра прибыл нарочный от уездного предводителя дворянства. Александр Пушкин-младший написал письмо полицмейстеру с изложением всех фактов происшедшего в гостинице. Но снова было неясно – когда нарочный сможет доставить эту депешу по адресу, потому что снежная буря не утихала.

Пока его друг писал письмо в номере, Клавдий Мамонтов еще раз осмотрел флигель гостиницы снаружи. Во дворе уже намело сугробы, и, глядя в темное утреннее небо, лишенное звезд, Клавдий размышлял о том, как много всего у природы, как она щедра, обильна и одновременно как грозна и беспощадна. И что человек перед всей этой мощью – пылинка, снежинка на бескрайних полях, белых и холодных. Как равнины зимнего Аида, скованного смертными льдами.

Что-то не давало ему покоя... Какая-то деталь... Что никак не укладывалась в общую картину. Но он не мог понять, что это. Тревожился, пытался сосредоточиться, чтобы найти эту самую странную деталь. Однако не получалось.

Солдаты пожарной команды прошли во флигель. Мамонтов последовал за ними. При пожарном сарае имелся еще один, «холодный» сарай – мертвецкая. Там обычно хранили тела погибших на пожарах – упокой господи их душу. Пушкин-младший распорядился забрать тела Меланьи и ее лакея из номера и отнести пока туда до приезда полицмейстера. Он сам лично сначала перерезал шелковые путы, не трогая узлов, затем накрыл оба тела простынями, которые взял в своем номере, – чтобы солдаты не увидели в непристойном виде барыню и ее дворового человека. И лишь после этого пустил в номер солдат. Те запеленали тела, не раскрывая их, и запеленутыми отнесли в мертвецкую. Все остальное Пушкин-младший оставил как было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Перевод Павла Грушко, 1966 г.

2

Имеется в виду «Галантная Индия» – опера-балет французского композитора эпохи барокко Жана-Филиппа Рамо, написанная на текст либретто французского драматурга Луи Фюзелье.

3

Подробно об этом деле рассказано в романе Т. Степановой «Грехи и мифы Патриарших прудов».

4

Ахтырская область – название целиком и полностью – фантазия автора. Любые совпадения случайны (прим. ред.).

5

«Пожизненный ЭЦИХ с гвоздями» – цитата из художественного фильма Г. Данелии «Кин-дза-дза».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-stepanova/ciklop-i-nimfa>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)